

Пока ты не спишь

Автор:

Мишель Бюсси

Пока ты не спишь

Мишель Бюсси

Маленький Малон живет с папой и мамой, которые его любят, особенно мама. Она все для него сделает. Но каждый вечер, когда Малон ложится спать, а за мамой закрывается дверь, наступает время, когда любимая плюшевая игрушка по имени Гути рассказывает ему таинственные истории. Слушать Гути его научила мама – но другая. Настоящая мама. На слова маленького мальчика о том, что мама – вовсе не его мама, никто не обращает внимания, лишь детский психолог удивлен четкостью и яркостью его рассказов. Своими сомнениями он поделится с комиссаром полиции Марианной Отресс, которой опыт и инстинкт подскажут, что дело и впрямь странное. Если бы она знала, что ключ к раскрытию громкого ограбления кроется в эфемерной детской памяти, в старой плюшевой зверушке...

Новый роман упрочил репутацию Мишеля Бюсси как одного из лучших детективщиков во Франции. В 2015 году роман «Пока ты не спишь» возглавил списки детективных бестселлеров, а сам Бюсси стал в том же году одним из трех самых успешных писателей Франции. В его детективах не найти рек крови и нагромождения жестокостей, Бюсси берет читателя изощренным психологизмом, непрямолинейными сюжетами и романтической атмосферой Нормандии. Его книги – затягивающее детективное наслаждение.

Мишель Бюсси

Пока ты не спишь

MAMAN A TORT

Michel Bussi

Copyright © Michel Bussi et Presses de la Cite, un departement de Place des Editeurs,
2015

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии Литературного
агентства Анастасии Лестер

© Елена Клокова, перевод, 2016

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2016

* * *

Посвящается – конечно же – моей маме

У меня много мам.

Это не так-то просто.

Особенно потому, что они друг друга не любят.

И одна из них скоро умрет.

Может, я тоже в этом виноват?

Может, все случилось из-за меня?

Потому что я не помню, которая из них настоящая.

I. Марианна

1

Аэропорт Гавр-Октевиль,

пятница, 6 ноября 2015, 16:15

Ноги Малона оторвались от пола, и он увидел даму в стеклянном домике. На ней был фиолетовый пиджак – совсем как у полицейских, и смешные очки на круглом лице. Она напомнила ему кассиршу из цирка.

Он чувствовал, как дрожат мамины руки, – наверное, не так-то легко держать его ровно.

Дама смотрела ему прямо в глаза, переводила взгляд на маму, потом на маленькие коричневые книжечки.

Мама все ему объяснила. Дама проверяет фотографии. Ей нужно убедиться, что они – это на самом деле они. Что их можно пустить в самолет.

Дама не знает одного: куда они летят. Куда они летят по правде.

Он один это знает.

Они отправляются в лес людоедов.

Малон ухватился за раму окошка и смог разглядеть значок на пиджаке очкастой дамы. Читать он, конечно, не умел, но некоторые буквы уже знал.

Ж... А... Н...

Сотрудница пограничной службы кивнула пассажирке, давая понять, что та может опустить малыша на пол. Обычно Жанна проявляла куда меньше служебного рвения. Особенно в этом маленьком аэропорту Гавр-Октевиль, где было всего-то три окна (касса, регистрация и паспортный контроль), две багажные карусели и один кофейный автомат. Но сегодняшний день сложился иначе, как-то нервно. Сразу после 15:00 сотрудники службы безопасности заняли позиции в зале и на площадке перед ангаром, всех мобилизовали для поимки какого-то беглого преступника, которого, впрочем, вряд ли прельстит здешняя авиадыра.

Но это не имеет значения, указания майор Огресс дала четкие: развесить на стенах зала листовки с портретами объявленных в розыск двух мужчин и молодой женщины, провести инструктаж с таможенниками и охранниками.

Преступники очень опасны.

Особенно один из них.

Налетчик. Грабитель. Убийца. Рецидивист со стажем, если верить ориентировке, разосланной во все комиссариаты региональной полиции.

Жанна слегка наклонилась вперед:

– Ты уже летал на самолете, малыш? Путешествовал так далеко?

Ответа она не дождалась – мальчик спрятался за спиной матери. Детей у Жанны не было. Неудобный график работы в аэропорту давал ее дружку-балбесу отличный повод, чтобы уклоняться от разговоров о «продолжении рода». А ведь она умела обращаться с ребятишками и нередко находила с ними общий язык... легче, чем с мужчинами. Жанна считала, что у нее дар – приручать детей и котов.

– Скажи, дружок, ты ведь храбрый мальчик? – с улыбкой спросила она. – Знаешь, там, куда ты летишь, есть... – Жанна нарочно растягивала слова и добилась желаемого результата: из-за обтянутых джинсами ног женщины показался кончик любопытного носа, – джунгли! Так, милый?

Мальчик вздрогнул от удивления и даже отступил на шаг, не понимая, как чужая тетка узнала его секрет. Жанна в последний раз взглянула на паспорта и энергично их проштемпелевала.

– Тебе совершенно нечего бояться, мой ангел, ведь ты отправляешься в путешествие вместе с мамой!

Ребенок так и не пожелал с ней пообщаться, и Жанна почувствовала разочарование. Неужели в довершение всех неприятностей она теряет чутье на малышню? Нет, дело не в ней, просто обстановка сегодня напряженная, эти кретины военные вышагивают по залу, выставив напоказ оружие, как будто майор Огресс устроила проверку боевой готовности и победителей ждет награда.

Жанна не собиралась сдаваться. Ее задача – обеспечить безопасность пассажиров, в том числе эмоциональную.

– Попроси мамочку рассказать тебе о джунглях и ничего не бойся.

Женщина благодарно улыбнулась. Мальчик тоже отреагировал. Станным образом.

Жанна поймала его взгляд, когда второй раз произнесла слово «мама»: малыш посмотрел не на мать – он повернул голову к стене, на которой висели фотографии преступников.

Да нет, показалось...

Наверное, мальчик смотрел в большое окно. На самолеты. Или на море вдалеке. Малыш витает в облаках. В небе.

Жанна колебалась. В этой паре было что-то странное, и у нее возникло смутное предчувствие, природы которого она понять не могла.

Все документы в порядке, нет причин задерживать их. Мимо, грохоча тяжелыми ботинками, прошли два бритоголовых солдата в камуфляже. Милое дело – обеспечивать безопасность, до смерти пугая мирных граждан!

Жанна пыталась уговорить себя, что поддалась психологическому давлению, что во всем виновата атмосфера гражданской войны, неизбежно возникающая в любом аэропорту всякий раз, когда полиция устраивает там облаву. Слишком ты впечатлительная, отсюда и проблемы – в том числе с мужчинами!

Она протянула паспорта в окошко:

– Все в порядке, мадам. Счастливого полета.

– Спасибо.

Это было первое слово, которое Жанна услышала от пассажирки.

Airbus A318 небесно-голубого цвета компании KLM[1 - KLM – «Королевская авиационная компания», национальная компания Нидерландов, основанная в 1919 г. С 2004 г. – собственность Air France. – Здесь и далее примеч. перев.] оторвался от бетона взлетной полосы.

* * *

Майор Марианна Огресс подняла глаза на лазоревый самолет в небе, несколько мгновений следила, как он скользит над океаном густо-нефтяного цвета, потом продолжила мучительный подъем.

Четыреста пятьдесят ступеней.

Ж. Б., сильно опередивший начальницу, легко, играючи сбежал вниз. Вот ведь стервец, как будто вызов ей бросает! Момент был напряженный, но этот пустяк почему-то дико разозлил Марианну.

– Есть свидетель! – прокричал сверху лейтенант. – И не абы какой...

Марианна ухватилась за перила и остановилась, не донеся ногу до следующей ступеньки. Надо передохнуть, иначе добром дело не кончится. Она тяжело дышала, спина взмокла. Организм сорокалетней женщины яростно протестовал против каждого грамма лишнего веса, ужинов на скорую руку, вечеров на диване перед телевизором, одиноких ночей и проигнорированных утренних пробежек.

А чертов лейтенант прыгает по лестнице так, словно его несут не ноги, а невидимый лифт.

Он остановился перед Марианной и протянул ей нечто, похожее на серую крысу. Мягкую. Мертвую.

– Где ты это нашел?

– В зарослях ежевики. Должно быть, Алексис Зерда зашвырнул туда игрушку, прежде чем раствориться в воздухе».

Майор никак не прокомментировала версию своего лейтенанта, только машинально ущипнула старенькую, линялую плюшевую зверушку, которую трехлетний мальчик столько раз прижимал к груди, гладил, сосал, поливал слезами. Черные глаза-шарики были широко распахнуты и с ужасом смотрели на нее.

Ж. Б. прав, она держит в руках свидетеля. Перепуганного. Липкого. Ему вырвали сердце, заставили замолчать. Навечно.

Марианна еще крепче сжала в руках странного зверька. Ее одолевали мрачные мысли.

Ребенок ни за что не расстался бы со своим любимцем добровольно.

Она раздвинула шерстку на груди – таким движением женщины гладят волосатую грудь любовника – и заметила темные пятна на акриловом волокне. Кровь, что же еще. Та же самая, которую они обнаружили в блиндаже?

Кровь ребенка?

Или Аманды Мулен?

– Вперед, Ж. Б.! – нарочито суровым тоном приказала Марианна. – Шевелись! Карабкаемся дальше!

Лейтенант Жан-Батист Лешевалье – для своих Ж. Б. – отреагировал мгновенно, взлетев вверх сразу на пять ступенек.

Она двинулась следом, пытаясь подстроить шаг к ходу мыслей и не замечать усталости. Гипотезы громоздились одна на другую, но срочного ответа требовал один-единственный вопрос.

Где?

Поезд, автомобиль, трамвай, автобус, самолет... У Алексиса Зерды тысяча способов скрыться, исчезнуть – несмотря на объявленную несколько часов назад операцию «Перехват», расклеенные по всему городу листовки с портретами и десятки патрулей.

Где и как?

Шаг – ступенька, еще шаг – следующая, мысль, умозаключение, вывод – и так до бесконечности.

Где, как и почему?

Только бы не задавать другой вопрос. Главный.

Почему выбросили старую плюшевую крысу?

Кто и зачем вырвал игрушку из рук малыша? Он, наверное, рыдал, кричал, что дальше не пойдет – «ни за что!», что вот сейчас возьмет и умрет – прямо тут, но не расстанется с плешивой крысой, впитавшей самые родные и понятные запахи на свете – матери и его собственный.

Ветер с моря вонял нефтью. Контейнеровозы стояли в пробке у входа в бухту Гавра – совсем как застрявшие на светофоре машины.

Вены на висках Марианны набухли от напряжения. Кровь и пот. Ей казалось, что проклятая лестница уходит в бесконечность, а вместо каждой оставшейся за спиной ступеньки впереди тут же появляется новая.

Зачем?

Возможно, Зерда не собирался тащить с собой мальчика и уж тем более грязную и лысую игрушку. Возможно, решил, что проще найти укромное местечко, столкнуть ребенка в яму и зарыть тело.

В небо взлетел еще один аэробус – до аэропорта было километра два, не больше. Там Зерда не проскользнет! – успокаивала себя Марианна. Туда мы отправили достаточно людей...

Еще несколько десятков ступеней. Лейтенант Лешевалье уже добрался до парковочной площадки, а Марианна нашла наконец правильный ритм и поднималась, машинально разминая пальцами серое плюшевое тельце, словно хотела убедиться, что игрушечному существу неопознанной породы действительно вырвали сердце и язык, что оно больше никогда не расскажет ни одной истории, не поделится секретом, не откроет тайны. Майор и ее подчиненные часами, снова и снова, слушали его сокровенные беседы с Малоном, но теперь все кончено.

Ладонь Марианны замерла на линялой шерстке, указательный палец вдруг нащупал кусочек более жесткой ткани. Она взглянула, не подозревая, какое открытие ее ждет.

Какую тайну хранит клочок замахрившегося акрила?

Она прищурилась, пытаясь прочесть буквы на ярлыке, и внезапно все поняла. Части мозаики, в том числе самые загадочные, сложились воедино.

Ракета, лес людоедов, пираты и затонувший корабль, тропический грызун, лишившийся памяти, сокровище, четыре башни замка – все эти бредни, которые

пять дней подряд пыталась разгадать команда майора Огресс.

Они считали их выдумками слишком впечатлительного мальчика... А на самом деле...

Истина была у них под носом! Малыш Малон ничего не выдумал.

Нужно было всего лишь прочесть три слова на клочке ткани, пришитом к безмолвному свидетелю.

Каждый член бригады держал в руках старую игрушку, и никто ничего не заметил. Все только слушали болтливую крысу, но ни один не взгляделся повнимательней в любимца Малона, которого убийца сначала заставил замолчать, а потом зашвырнул на склон горы.

Марианна на мгновение прикрыла глаза. Если бы какой-нибудь телепат прочел сейчас ее мысли, перехватил их, как ловят обрывки чужого разговора, не зная сути истории, то наверняка решил бы, что она чокнутая!

Плюшевая игрушка не разговаривает, не плачет и не умирает. Года в четыре ребенок перестает верить, что она живая. Ну ладно, не в четыре – в шесть, максимум в восемь!

Любой человек, прочитавший первую главу этой истории, назовет ее бредом сумасшедшего. Да, любой – в том числе сама Марианна Огресс. Ее рациональная ипостась. Майор полиции.

Так было бы пять дней назад.

Она прижала плюшевого зверька к груди, оглянулась и почувствовала дурноту. На горизонте бесконечное пустое небо и море сходились, серая кружевная пена волн выплескивалась на тяжелые свинцовые облака.

Марианна услышала звук работающего двигателя – Ж. Б. уже выводил «рено меган» со стоянки, – встряхнулась и бросилась на штурм последних двадцати ступеней.

Теперь, когда истина открылась ей во всей полноте и ясности, оставалось ответить на последний вопрос.

Ты успеешь их остановить?

Четырьмя днями ранее...

Понедельник

День Луны[2 - У древних римлян и северогерманских племен этот день был посвящен Луне. Отсюда слово lundī – понедельник.]

2

Маленькая стрелка на 8, большая – на 7

– Мама шла быстро. Мы крепко держались за руки, мне даже было немножко больно. Она искала для нас место, чтобы спрятаться. И кричала. Но я не слышал – вокруг было ужасно много людей.

– Много людей? А что за люди там были?

– Ну... всякие... Они покупали разные вещи.

– Значит, ты видел магазины?

– Да. Много. Но мы тележку не брали, я нес большой рюкзак. С Джеком и пиратами.

– А вы с мамой тоже делали покупки?

– Да нет же, я уезжал на каникулы. Мама говорила: «Это будут до-о-лгие каникулы...» Я не хотел, вот мы и искали где спрятаться. Чтобы никто не увидел мой... приступ.

– Такой же, как случился в школе? Клотильда мне рассказала, что ты плакал. Сильно злился. Хотел все разгромить в классе. Такой приступ, Малон?

– Да.

– А почему ты разозлился?

– Потому что не хотел ехать с другой мамой.

– Вот, значит, в чем дело?

– ...

– Ладно, мы еще поговорим о твоей другой маме. Потом. А сейчас соберись и постарайся вспомнить все, что сможешь. Опиши, что видел в том месте, где вы с мамой «очень быстро шли».

– Я видел магазины. Много. А еще «Макдоналдс», но мы туда не зашли. Мама хотела, чтобы я поиграл с другими детьми.

– А улицу ты помнишь? Еще какие-нибудь магазины?

– Мы были не на улице.

– А где же?

– Ну как на улице, но без неба!

– Ты уверен, Малон? Вы не видели небо? А стоянка возле магазинов была?

– Не знаю. В машине я спал, а потом мы оказались на улице без неба, и мама тащила меня за руку.

– Хорошо, Малон, успокойся, ты молодец. Знаешь что, подожди немножко, я покажу тебе фотографии, ты внимательно посмотришь и скажешь, узнаешь что-нибудь или нет.

Малон неподвижно сидит на кровати и послушно ждет.

Гути молчит. Притворился мертвым. Ничего, так бывает, когда будет можно, он оживет.

– Ну вот, Малон, смотри на экран. Узнаешь что-нибудь?

– Да.

– Вы с мамой были в этих магазинах?

– Да.

– Уверен?

– Ага. Там была такая же птичка – красная с зеленым. И попугай-пират.

– Ясно. Это очень важно, Малон. Я потом покажу тебе другие снимки, а сейчас рассказывай дальше. Где вы с мамой спрятались?

– В туалете. Я сидел на полу. Мама закрыла дверь, чтобы попугай не услышал.

– Что тебе говорила мама?

– Она сказала, что я все забуду, как ночные сны. Забуду, но должен стараться думать о ней каждый вечер перед сном. Думать изо всех сил. О ней и о нашем доме. О пляже. О пиратском корабле. О замке. Она все время повторяла, что картинки из моей головы исчезнут. Я не верил, но мама все время повторяла одно и то же. Ты забудешь, если перестанешь думать об этом перед сном. Все улетит, как листья с деревьев.

– А потом она отдала тебя твоей другой маме?

– Другая – не моя мама!

– Конечно, Малон, я поняла, потому и называю ее «другая мама». А что еще сказала твоя первая мама?

– Велела слушать Гути.

– Гути – это твоя игрушка? Привет, Гути! Значит, ты должен был слушать Гути?

– Да! Должен был, тайком.

– Он очень ловкий и умный, твой Гути! А как он помогает тебе не забывать?

– Говорит со мной.

– Гути с тобой разговаривает?

– Да.

– И когда же?

– Это секрет. Мама велела мне хранить его. А потом, в туалете, открыла тайну, как спастись от людоедов, если они захотят утащить меня в лес.

– Хорошо, я поняла и не буду об этом спрашивать. Больше мама ничего тебе не говорила, Малон?

– Говорила. Это...

– Что – это?

– Малон!

– Она назвала тебя по имени – Малон?

– Да. Мама сказала: Малон – красивое имя и ты должен на него отзываться.

– Но раньше тебя звали иначе? Помнишь как?

Малон мгновенно замыкается.

– Ничего, милый, бог с ним, с именем. Вспомни, что мама сказала потом.

– Ничего. Она плакала.

– Понятно. Можешь рассказать о доме, где ты жил раньше?

– Я почти ничего не помню. Гути редко об этом говорит.

– Но что-то у тебя в голове осталось? Ты рассказывал о море, о пиратском корабле, о башнях замка...

– Да! Сада там точно не было, только пляж. И море, прямо под окном моей комнаты. Я видел пиратский корабль, он был сломан пополам. А еще я помню ракету. И еще мне не разрешали уходить далеко от дома – из-за леса.

– Леса людоедов?

– Да.

– Опишешь мне его?

– Ладно. Деревья там высокие-превысокие, до самого неба. В джунглях живут людоеды, большие обезьяны, змеи, огромные пауки – ужас какие страшные, я видел одного.

– Больше ты ничего не помнишь?

– Нет.

– Ладно. Скажи мне... Малон. Я буду звать тебя Малон, пока мы не узнаем твое прежнее имя, идет? Вот и хорошо. Твой зверек, он какой породы?

– Он – Гути!

– Ясно... Гути. Поняла. Значит, он с тобой беседует. По правде. Не только у тебя в голове. Знаю, знаю, это секрет, но, может, все-таки объяснишь мне?

Малон затаил дыхание.

– Молчи, Гути! – шепотом приказал он, услышав шаги на лестнице. Караулить шумы в доме вошло у него в привычку, особенно по вечерам, когда он лежал в темноте под одеялом и слушал рассказы Гути.

Наверх поднималась Мама-да.

– Скорее, Гути, притворись, что спишь!

Его пушистый любимец успел замолчать вовремя: в комнату вошла Мама-да. Малон судорожно прижал игрушку к груди. Он очень гордился своим другом – Гути здорово притворялся.

Мама-да всегда чуть-чуть растягивает слова, особенно по вечерам, когда кажется такой усталой, что едва может договорить фразу до конца.

– Все в порядке, милый?

– Угу...

Малону хотелось, чтобы она ушла, но Мама-да, как и каждый вечер, присела на краешек кровати и погладила его по голове. А потом обняла – так сильно, что даже больно стало.

– Ты помнишь, родной, что завтра я встречаюсь с твоей учительницей?

Он не стал отвечать.

– Мне сказали, что ты придумываешь разные истории. Ты у меня фантазер, как все маленькие мальчики. Я очень тобой горжусь, но, знаешь, взрослые иногда принимают твои сказки за правду. Потому-то нас и вызвали в школу, понимаешь?

Малон крепко зажмурился.

Мама-да долго ждала, потом вздохнула и сказала:

– Ладно, милый, спи. Сладких тебе снов.

Она поцеловала его и наконец-то ушла. Малон еще чуть-чуть подождал – нужно быть осторожным! – и посмотрел на свой космонавтский будильник.

Маленькая стрелка на 8, большая – на 9.

Мама научила Малона, что будить Гути можно, только когда маленькая стрелка окажется на цифре 9.

Он взглянул на большую карту звездного неба, висящую на стене над будильником. Нарисованные планеты блестели в ночи. Когда в комнате становилось совсем темно, видны были только они. Сегодня настал день Луны.

Малону не терпелось послушать историю о сокровище, зарытом на пляже. О потерянном кладе.

3

Сегодня, пляж в Мимизане. Я сняла верх купальника, чтобы порадовать Марко. Моего парня. Ему нравится моя грудь. Лежащему рядом борову она тоже явно нравится.

Желание убить

Я воткнула наконечник солнечного зонта ему в брюхо, прямо в пупок.

Не нравится: 28

Нравится: 3289

www.jelanie-ubit.com

Телефонная трель вырвала майора Огресс из сна.

Несколько секунд она смотрела на свое голое тело, словно бы застывшее в ледяном гробу. Марианна уже час лежала в ванне, задремала, и вода успела остыть. Потянувшись за мобильником, она задела рукой корзиночку с игрушками, стоявшую на бельеовом баке, и пластмассовые кораблики, заводные дельфинчики и светящиеся рыбки свалились в воду.

– Черт!

Она схватила трубку мокрыми пальцами.

Номер неизвестен.

«Ну что за свинство!»

Огресс надеялась, что к реальности ее вернул один из лейтенантов – Ж. Б., Дед или любой другой дежурный детектив комиссариата Гавра. Она пребывала в нетерпеливом ожидании со вчерашнего дня, когда Тимо Солера заметили в квартале Сен-Франсуа рядом с аптекой. Майор приказала четырем своим людям устроить засаду между двумя гаванями – Торговой и Королевской. Они уже почти год гонялись за Солером, если точнее – девять месяцев и двадцать семь дней. Охота началась во вторник, 6 января 2015 года, после того как на пульт дежурного поступил сигнал о вооруженном ограблении в Довиле, в ту секунду, когда камеры наблюдения запечатлели лицо Тимо Солера. Он скрылся от преследователей на мотоцикле M?nch Mammut 2000, хотя его ранили из парабеллума 9-го калибра. Эксперты утверждали, что пуля должна была

застрять где-то между плечом и легким. Марианна хорошо себя знала – теперь она не сможет уснуть до утра, будет дремать, перетаскиваясь из ванны на диван, с дивана в кровать в надежде, что придется среди ночи сорваться на работу. Тогда она натянет на бегу кожаную куртку и выскочит за дверь, не убрав постель, не погасив свет, оставив на столике перед включенным телевизором пластиковую тарелку с едой и недопитый стакан минералки Quezas. Только насыплет сухого корма в миску Могвей, ленивой метиски, в которой смешалась кровь породы ли-браун и «кисис вульгарис». «Лигарис» – Марианна очень гордилась придуманным названием новой «породы», как будто сама ее вывела.

– Слушаю...

Она осторожно протерла запотевшее стекло айфона краем свисавшего с бортика полотенца, очень надеясь, что подлечий сенсорный экран не погаснет.

– Майор Огресс? Меня зовут Василе Драгонман. Я школьный психолог. Вы меня не знаете, но у нас есть общий друг, Анжелика Фонтен. Она дала мне ваш номер.

Энджи... Вот негодяйка! Ну она ей покажет, этой трепливой любительнице кружевного белья от Aubade!

– У вас ко мне официальное дело, господин Драгонман? Я жду важного звонка по этой линии.

– Обещаю быть кратким.

Чудесный у него голос – спокойный, мягкий, внушающий доверие. Так мог бы говорить молодой священник, или гипнотизер, или восточный маг, практикующий телепатию, или... завзятый враль. А для придания особой прелести – легкий славянский акцент.

– Я слушаю... – со вздохом произнесла Марианна.

– Мой рассказ может показаться вам странным, майор. Я школьный психолог, зона моей ответственности – весь северный район у приливного устья Гавра. Уже несколько недель я занимаюсь одним не совсем обычным ребенком.

– В каком смысле не совсем обычным?

Свободной рукой Марианна похлопывала по поверхности воды, по коленям. Не так уж и плохо быть разбуженной вкрадчивым мужским голосом. Даже если его обладатель не намерен приглашать тебя на ужин.

– Мальчик утверждает, что его мать – не его мать.

Ладонь Марианны соскользнула в воду.

– Что, простите?

– Он говорит: моя мама – не моя! И папа, кстати, тоже не папа.

– Сколько ему лет?

– Три с половиной.

Марианна прикусила губу.

Не повезло – нарвалась на слишком усердного мозговеда! Видно, Энджи совсем увязла в его психологическом трепе, раз дала ему телефон...

– По тому, как этот ребенок говорит, я бы дал ему все пять лет, – поторопился уточнить Драгонман. – Он, конечно, не гений, но развит не по годам. Если верить тестам, которые...

– А мать с отцом – настоящие родители? – перебила его Марианна. – Вы узнавали у учителей? Уверены, что не было усыновления, помещения в приемную семью?

– Я все проверил – ребенок не приемный, органы юстиции и опеки им не занимались. Родители уверяют, что у их сына просто очень богатое воображение. Директриса вызвала их на завтра, хочет поговорить.

– Значит, все в порядке?

Она сразу пожалела, что слишком резко оборвала сладкоголосого собеседника. Резиновый дельфинчик щекотал ей бедро. Грегуар, племянник Марианны, уже полгода не оставался ночевать в этом доме. В следующем месяце ему исполнится одиннадцать, такого взрослого парня пиццей и фильмами на DVD не соблазнишь, так что неизвестно, когда она его снова увидит. Может, стоит сложить все это барахло в мешок и вынести на помойку, чтобы не расстраиваться?

– Нет, ничего не в порядке! – прервал ее размышления Драгонман. – Как это ни странно, я считаю, что мальчик говорит правду.

Ну конечно! На то он и психолог, чтобы так думать... Ребенок всегда прав!

– А что мать? – спросила Огресс.

– Она в бешенстве.

– Ее можно понять... Так чего же вы от меня ждете, Василе?

Марианна оттолкнула коленом настырного дельфина. Голос незнакомца бередил душу. Слава богу, этот человек не знает, что она разговаривает с ним голая, поставив босые ступни на бортик ванны!

Мужчина молчал, а она предавалась жарким фантазиям. Нет, не о том, чтобы разделить ванну со стройным сильным любовником – места маловато, да и комплексы мешают. Чего ей хотелось на самом деле, хотя она никому бы в этом не призналась даже под пыткой, так это оказаться в ванне со своим ребенком. Она могла бы часами бултыхаться в воде с пухленьким человечком, намыливать ему и себе голову шампунем, брызгаться, смеяться и плевать на указания всех педиатров мира.

– Чего я жду? – переспросил наконец Василе Драгонман. – Не знаю... Наверное, помощи.

– Хотите, чтобы я провела расследование? Открыла дело?

– Так далеко я в своих мечтах не заходил. Простите, майор, неудачная шутка. Я надеялся – Энджи мне сказала, – что вы сумеете кое-что разведать. Проверить утверждения мальчика. Я бы дал вам кассеты с записью бесед, свои заметки, рисунки малыша...

Безумный дельфин снова поднырнул под Марианну.

Разговор затянулся, и она подумала, что проще всего будет встретиться с этим психологом. Тем более что он протеже Энджи... Анжелика Фонтен знает, что подруге нужно. Марианна ясно дала ей понять, что в ближайшие месяцы будет охотиться на единственное в своем роде мифическое животное – ОТЦА. Возможно, Энджи решила свести ее со школьным психологом, сочтя его идеальным кандидатом в папаши. Профессионал по детям, цитирующий Френе, Пьяже и Монтессори[3 - Френе, Селестен (1896–1966) – французский педагог, разработал методы обучения, основанные на свободном выражении и работе в группах. Пьяже, Жан (1896–1980) – швейцарский психолог, изучал усвоение детьми речи и логики. Монтессори, Мария (1870–1952) – итальянский врач и педагог, создательница детских садов.], в то время как другие особи мужского пола читают L'Equipe, Entrevue или Detective. Марианна приказала себе забыть о довильских налетчиках и аптеке в квартале Сен-Франсуа. Если этой ночью или утром будут новости о Тимо Солере, ее сразу оповестят.

– Вы наверняка не хуже меня знаете, господин Драгонман: когда возникает подозрение, что ребенок находится в опасности, следует немедленно сообщить в службу правовой охраны несовершеннолетних и в Социальную помощь детству. Случай, который вы описали, кажется мне, скажем так, необычным. Вы собираетесь подать рапорт, опираясь на слова мальчика? У вас создалось впечатление, что с ним плохо обращаются? Родители показались вам опасными личностями? Есть у вас хоть один веский довод, который позволил бы нам изъять малыша из семьи?

– Нет. Родители выглядят до противности нормальными.

– Понимаю. В таком случае никакой срочности нет. Мы займемся этой историей, но события форсировать не будем. Не посадим мать с отцом в кутузку только за то, что у их сына буйная фантазия...

Марианна зябко поежилась. Соль с ароматом лаванды-эвкалипта-фиалки растворилась, вода в ванне была розовой. Желтый пластмассовый кораблик колыхался над ее животом и казался совсем крошечным на фоне выглядывающих из пены грудей-айсбергов. «Апокалиптическая картина конца мира... – мысленно усмехнулась она. – Теплоход плывет мимо райских островов, загрязняя акваторию и побережье».

Голос психолога вернул ее к реальности:

– Простите, майор, но я вынужден не согласиться! Я не просто так выпросил у Энджи ваш телефон и позволил себе этот вечерний звонок. Дело чрезвычайно срочное. Не терпящее отлагательств. Промедление может обойтись мальчику фатально дорого!

– Что значит – фатально? – Марианна повысила голос: – Вы только что сказали, что он в безопасности!

– Поймите меня правильно. Ему нет и четырех, завтра он забудет все, что знает сегодня. Или послезавтра. Или через месяц-два.

Марианна села:

– Объясните поточнее.

– Малыш цепляется за обрывки воспоминаний, пытаюсь убедить меня, что его мать – не его мать. За нескольких следующих дней – или недель – он повзрослеет, узнает что-то новое, запомнит названия животных, цветов и букв, и прежние воспоминания сотрутся. Он забудет ту, другую, мать и прежнюю жизнь, о которой рассказывает на каждой нашей встрече. Все это просто перестанет для него существовать!

4

Маленькая стрелка на 9, большая – на 12

Малон долго вслушивался в тишину – нужно убедиться, что Мама-да ушла совсем и не вернется.

Его пальчики гладили Гути под одеялом, почесывали теплую шкурку. Маленькое сердце плюшевого друга забилося сильнее, Малон спрятался под одеяло с головой и весь обратился в слух. Сегодня день Луны. День истории о Гути и орешках. Он слышал ее много-много раз.

Мальчик прижал ухо к мягкому тельцу.

* * *

Гути исполнилось три года, и в своей семье он мог считаться вполне взрослым, ведь его маме было восемь, а старенькому дедушке – пятнадцать лет.

Они жили в самом большом дереве на пляже, третий этаж, первая ветка слева. Их соседями были вечно где-то летающая крачка и старый хромоногий филин-пенсионер, когда-то служивший на пиратских кораблях.

Мама не раз повторяла, что Гути очень похож на своего дедушку – такой же мечтатель. Дедушка и правда часто пребывал в грезах, потому что терял память. Он то и дело засыпал на чужой ветке, а иногда вместо желудя зарывал в землю серый камешек. Гути любил сидеть на пляже и мечтать, как однажды заберется на корабль, спрячется в трюме и поплывет на новый остров, а чтобы не умереть от голода, прогрызет дырочку в одном из мешков с пшеницей или овсом. Гути хотелось поселиться в незнакомом месте и завести другую семью. Вот такие мысли занимали его голову, заставляя забывать обо всем остальном.

А между тем у Гути была работа, всегда одна и та же, но важная: собирать в лесу орехи и зарывать их рядом с домом. Семья Гути поселилась на острове именно из-за леса. Осеннее небо цвета оранжевых листьев щедро рассыпало по земле фундук, грецкие орехи, желуди и сосновые шишки. Все это богатство следовало собрать до наступления зимы, чтобы семье кормиться остаток года. Мама Гути не могла этим заниматься – она заботилась о его младшем брате Мюло и маленькой сестричке Мюзе.

И Гути каждый день делал важное для всей семьи дело, а потом шел на берег и мечтал, глядя на воду. Каждый вечер, по пути назад к большому дереву, он вдруг понимал, что забыл, где закопал плоды.

Под большим камнем? Между корнями? Рядом с раковиной?

Бедный Гути не мог вспомнить, но ни разу не осмелился признаться в этом маме.

Время шло, Гути сгорал со стыда – и молчал.

Однажды утром наступила зима.

Все родственники Гути покинули родную ветку и укрылись в чистой глубокой норе под паутиной корней. Когда-то давно ее вырыл дедушка, но семья с тех пор разрослась, и места для хранения припасов не осталось.

Полгода промелькнули как одна секунда.

Когда все наконец проснулись и вылезли наружу, оказалось, что большое дерево исчезло!

И не только оно, но и крачка с филином. Вокруг не было ни одного орешника, дуба или сосны. Лес испарился!

Наверное, зимой буря вырвала с корнями все деревья, а ветер унес их далеко-далеко.

Мама Гути знала, как все исправить. «Первым делом нужно поесть», – спокойно сказала она и велела сыну достать из песка припасы.

И тогда Гути горько заплакал.

Пляж такой огромный, искать там еду все равно что иголку в еловом лесу. Пока он найдет хоть один орешек, семья умрет с голоду... а деревья валяются у кромки воды вверх корнями, с поломанными ветками и больше никогда не принесут плодов.

Мама не стала спорить. «Нам придется перебраться на новое место, дети, – объявила она. – Туда, где будет еда...» – и попросила, чтобы Гути посадил себе на спину Мюзу. Она несла на спине дедушку, который еще больше постарел за время спячки.

Они обошли весь мир. Пересекали реки и долины, горы и пустыни. Искали пропитание в погребах и на чердаках, на верхушках странных незнакомых деревьев и в глубине бездонных ям под толщей океанских вод. Их гнали прочь метлой, они до визга пугали детишек в школах и старых дам в церкви, путешествовали в грузовиках, плыли на кораблях, а один раз даже летели самолетом.

Прошли месяцы, а может, даже годы, и вот однажды – в тот день голод мучил их особенно сильно – седоусый дедушка нарушил молчание. «Пора возвращаться домой!» – вот что он сказал.

Маме его слова, скорее всего, показались глупыми, но дедушка редко открывал рот, и семье следовало подчиниться.

Они отправились в обратный путь. Всем было грустно, каждый вспоминал погибшие деревья, длинный пляж, засыпанный сухими ветками, где не осталось ни листика, ни раковины. Там пустыня пострашней тех, которые им пришлось пересечь!

Сначала они решили, что ошиблись пляжем.

Только дедушка улыбался, и его белые усы смешно подергивались. Он велел им сесть на кучку песка и начал рассказывать. «Давным-давно, когда я был маленьким, как Гути, и очень рассеянным, мне хотелось отправиться в путешествие по миру. Мы были бедными и худыми, на нашем пляже росло мало деревьев, о лесе никто слыхом не слыхивал, еды не хватало, а я к тому же каждый раз забывал, где зарыл орешки. Потом из одного потерянного ядрышка выросло дерево, а на его ветках – целых сто орехов. Следом за первым – второе дерево. За ним – третье. Так появился лес, где вы родились...

Наш лес.

У нас началась новая жизнь, и мы очень радовались, но знали, что однажды налетит буря и придется все начинать заново».

Дедушка замолчал, и они пошли по песку.

На пустынном пляже из сотен орехов и желудей, которые Гути когда-то собрал и забыл, где закопал, вырос самый высокий, густой и зеленый лес на свете. Никто никогда не видал такой красоты на берегу моря. Мама Гути крепко прижала его к груди, Мюло и Мюза бегали между деревьями и аплодировали старшему брату маленькими лапками. За ними спокойно наблюдали крачка и филин, давно вернувшиеся в родные края.

Дедушка сказал, что очень устал и скоро уснет на секундочку, которая продлится дольше зимы, и ему нужно сказать Гути что-то очень важное.

Он повел внука к воде и заговорил мягким нежным голосом: «Видишь, Гути, настоящие сокровища – это совсем не то, что ты ищешь всю жизнь, они всегда спрятаны рядом с нами. Ты их сажаешь, ухаживаешь за ними, поливаешь каждый вечер – даже если не помнишь, зачем это делаешь! – и в одно прекрасное утро они расцветают».

* * *

Малон позволил Гути уснуть. Завтра утром его пушистый друг должен быть бодрым и сильным, ведь Мама-да и Па-ди идут в школу, к учительнице. Малон немножко побаивался того, что они ей скажут.

Ему тоже давно пора было спать, но он не хотел. Знал, что кошмары вернутся. Он как будто уже слышал шум ледяного дождя – холодного, сверкающего, острого, как осколки зеркала. Малон даже глаза закрывать не желал.

И вовсе не потому, что боялся темноты!

Стоило ему зажмуриться, и в голове все становилось одного цвета. Как будто кто-то взял кисть и одним мазком перекрасил все вокруг.

Цвет.

Единственный.

Красный.

Везде.

Вторник

День войны

5

Василе Драгонман терпеливо ждал встречи с Марианной. Он сидел в холле комиссариата, положив на колени папку, и разглядывал сновавших мимо сотрудников. Если бы не униформа полицейских и байкерская куртка психолога из состаренной кожи, обстановка напоминала бы больничный коридор, забитый посетителями и усталым персоналом.

Появилась майор Огресс. Она шла не торопясь, по самому центру, и люди обтекали ее с двух сторон, как гордый линкор.

– Ты перезвонил врачу, Дед? – Вопрос был адресован инспектору, который направлялся к лифту.

Лейтенант Пьеррик Паделу замедлил шаг. Все сыщики Гавра звали его Дедом – из-за предпенсионного возраста и шести внуков, живущих в разных уголках Франции. Он наголо брил череп, носил серебристо-черную эспаньолку, тело у него было поджарое, как у профессионального бегуна, а глаза – как у большого доброго пса. Старожилы бригады говорили: «Наш Дед еще о-го-го!» – новички же считали его «ужасно пожилым».

– Он все утро на консультации, помощница пообещала, что шеф перезвонит, как только появится минутка.

– Но он подтвердил, что штопал именно Тимо Солера?

– На все сто. Солер связался с ним через несколько минут после того, как был замечен у аптеки в квартале Сен-Франсуа. Профессор Ларошель обслужил нашего налетчика в порту, в гавани Осака, между контейнерами.

– И доблестный доктор сразу связался с полицией? Его не смутило, что он нарушает профессиональную тайну?

– Нисколько, – улыбнулся Дед. – То ли еще будет...

Марианна отогнала мысли о раненом налетчике и повернулась к Василе Драгонману:

– Ну что, идем? Я нашла для вас время между двумя... консультациями и не могу обещать, что нам дадут спокойно поговорить.

Невозмутимость психолога резко контрастировала с царившим в участке возбуждением. Он сел, расправил полы куртки, открыл папку, достал блокнот и разложил перед собой детские рисунки. Взгляд светло-карих глаз был острым, как луч лазера, славянский акцент проявлялся сильнее, чем по телефону. «Красивые глаза, – подумала Марианна, – не банально карие, а цвета полированного дерева, терракоты или золотистой запеченной корочки круассана».

– Я принес вам рисунки Малона, майор, и мои заметки с комментариями. Они пока рукописные, но...

Марианна жестом остановила Василе, чтобы получше его рассмотреть. Обаятельный мужик, ничего не скажешь! Чуть моложе ее. Она обожала застенчивых мужчин: за их сдержанностью таится огонь. Славянский шарм и трагическая судьба героев Толстого и Чехова.

– Что, если мы начнем с самого начала? О ком вы говорите? Где он живет?

– Конечно, майор, простите. Когда волнуюсь, становлюсь бестолковым. Мальчика зовут Малон. Малон Мулен. Он ходит в младшую группу начальной школы. В Манеглизе. Знаете, где это?

Она сделала ему знак продолжать, кивнув на висевшую на противоположной стене карту эстуария[4 - Эстуарий – однорукавное, воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря.] Сены. Манеглиз находился в десяти километрах от Гавра. Маленькая деревенька среди полей с населением в тысячу жителей.

– Со мной связалась школьная медсестра, сообщила, что ребенок все время повторяет нечто странное. Я впервые увидел мальчика три недели назад.

– И он рассказал, что его родители – не его родители?

– Именно так. Малон утверждает, что помнит другую жизнь, прежнюю...

– А родители, конечно, все отрицают.

– Естественно. – Драгонман взглянул на часы. – В этот самый момент они встречаются с директрисой школы.

– Без вас?

– Да. Предпочли обойтись без моего присутствия.

– Родители или начальство?

– По обоюдному согласию...

– Ваше вмешательство их раздражает?

Психолог смущенно улыбнулся и посмотрел на Марианну взглядом бродячего пса, выпрашивающего у прохожего кусок хлеба.

– Их можно понять. Честно говоря, если бы вас прислала не Анжелика...

– Позвольте мне кое-что объяснить. Я постараюсь говорить сжато...

Майор Огресс колебалась. Этот психолог чертовски хорош! Мямлит, запинается, но своего не упустит. Нужно будет выяснить, где эта хитрюга Энджи его выловила.

– Ладно, господин Драгонман, даю вам четверть часа.

Дверь без стука распахнулась, и появившийся Дед разрушил очарование момента:

– Доктор на проводе!

– Вот же черт! Переведи на мой телефон.

– Ты можешь не только поговорить с профессором Ларошелем, но и увидеть светило больницы Моно на экране размером три на три! Его кабинет нашпигован классным оборудованием для видеоконференций.

Марианна попросила Василе подождать несколько минут в коридоре:

– У нас крупное дело – январское ограбление в Довиле, наверное, слышали?

Психолог кивнул и послушно пошел к двери, столкнувшись на пороге со вторым лейтенантом, катившим тележку с видеокамерой и микрофоном.

– Наконец-то пригодилась чертова техника, – произнес тот и присел на корточки, чтобы установить камеру напротив белой стены.

На вид сыщику было лет тридцать. Белая футболка, тесные джинсы, кроссовки – вид у накачанного красавчика был явно непротокольный.

Лейтенант Жан-Батист Лешевалье. Женат. Двое детей. Верный муж. Нежный отец.

Ожившая мечта одинокой женщины.

– Пошустрее, Ж. Б.!

Марианна ворчала для проформы. Взгляд скользнул по сильной спине подчиненного, уперся в полоску голого тела между задравшейся майкой и поясом джинсов.

Трусы-боксеры от Calvin Klein обтягивали классную задницу.

Руки прочь, частная собственность! Чужая...

– Прямо какое-то широкоэкранное кино. – Ж. Б. с кошачьей грацией поднялся с корточек.

Лейтенанты Паделу и Лешевалье устроились на стульях, Марианна осталась за своим столом. Секунду спустя на белой стене появилась роскошная декорация в стиле хай-тек. Сплошь прямые углы – лакированное бюро, дизайнерские кресла, обтянутые серой кожей, мебель из ценных пород дерева, большая плазма на стене и даже высокая балконная дверь, через которую в комнату льется яркий свет.

А вот и хозяин кабинета. Хирург в белом халате поверх шикарного костюма-тройки (небось подбирал специально к своей хищной улыбке!), в руке стакан, в котором позвякивает лед.

– Здравствуйте, майор Огресс, сожалею, но могу уделить вам всего несколько секунд. Одна дама уже лежит и с нетерпением ждет, когда я вернусь вместе с моим орудием!

Пауза. Ларошель пошутил и теперь как будто ждал награды – заранее записанного смеха зрителей, – сияя безупречной белозубой улыбкой (хвала коллегам-ортодонтам!).

– Я буду пересаживать ей печень. Так что давайте поторопимся.

– Вчера вы оказали помощь Тимо Солеру, так? – задала вопрос Марианна.

Доктор сделал глоток медно-красной жидкости. Интересно, что он пьет перед операцией? Неужели виски? Или Red Bull? В углу, в сумке от Hugo Boss, клюшки для гольфа, каждая деталь обстановки точно выверена, словно это театральная

декорация или съемочная площадка, а не настоящая комната.

– Налетчику? Так точно, мадам. Я уже все рассказал вашим инспекторам. Беглец позвонил вчера, во второй половине дня. Назначил срочную встречу в порту, в гавани Осака – вдали от чужих глаз, понимаете? Он ждал в белой «тойоте ярис». Номер я запомнил, не волнуйтесь. Рана у него плохая – между подключичной артерией и верхней долей левого легкого. Пулю калибра девять миллиметров несколько месяцев назад вытащил какой-то коновал, ухаживали за ним непрофессионально. По его собственным словам, он недавно упал, рана открылась и начались адские боли. Я сделал, что смог.

– Прооперировали Тимо прямо в машине? – изумилась Марианна.

– Конечно нет! Я имел в виду, что сделал все, чтобы помочь вам.

– Нам?

Ж. Б. был потрясен антуражем и угадывающимся за окном бассейном. Или морем? Ведь это Сент-Адресс, шикарный пригород Гавра, и больница стоит на берегу Ла-Манша.

– Именно так. Помочь правосудию, сообщить о преступнике, которого не один месяц разыскивает полиция, долг каждого честного гражданина, ведь так?

– Безусловно, профессор! Как еще вы нам помогли?

– Ввел двойную дозу нальбуфина. Это обезболивающее, намного сильнее морфина. Лекарство мгновенно облегчило страдания и будет действовать еще как минимум двенадцать часов. Я немножко почистил рану и снова зашил. Шов получился – загляденье. Высокая мода, да и только!

Еще одна улыбка во славу хирургов-стоматологов... Профессор наклонился к камере, будто хотел сообщить нечто конфиденциальное:

– Но внутри я пошалил скальпелем, комиссар! Когда нальбуфин перестанет действовать, Тимо Солер взовьется под потолок. И снова позвонит мне, никуда не денется... а там подтянетесь вы с кавалерией.

Марианна шумно сглотнула, прежде чем ответить:

– Не беспокойтесь, подтянемся.

Ларошель поставил на стол пустой стакан:

– Договорились. А теперь, если позволите, я отправлюсь в операционную и помогу пациентке, которая в меня верит. Если все пройдет хорошо – тьфу-тьфу-тьфу! – через несколько минут все ее страхи будут позади.

Прощальная улыбка – и экран погас. Трое полицейских еще несколько секунд молча смотрели на белую стену.

– Да он просто святой, – умиленно произнес Дед.

– И что органы правопорядка делали бы без помощи таких вот сознательных граждан? – ухмыльнулся Ж. Б.

– Ладно, позубоскалили, и хватит! Доктор нам, может, и не слишком симпатичен, но будет отлично, если с его помощью мы возьмем Солера. – Марианна повернулась к Ж. Б. и скомандовала: – Давай, Спилберг, убирай отсюда всю эту технику. Дед, будь на связи с нашим доктором Хаусом. А я...

Она подвинула к себе рисунки, принесенные Драгонманом. Четыре вертикальные черты сделаны черным фломастером, пятая, диагональная, – синим.

Каракули.

– А меня оставьте на четверть часа с этим психологом, который жаждет объяснить, как функционирует память трехлетнего ребенка.

Класс опустел, и Малон остался один. Половина ребят уже построились в пары и, весело галдя, потянулись в столовую через маленькую железную калитку на задах школьного двора. Остальных ждали родители, в основном мамы; папы появлялись утром или вечером. Каждый ребенок хватался за мамочкину руку, обнимал за шею, прижимался к ноге.

Все – кроме Малона.

– Сиди здесь и будь умником. Жди, мы скоро придем, – сказала Клотильда, его учительница, и не обманула: Мама-да и Па-ди появились сразу после того, как ушли другие родители. Мама-да почти никогда не опаздывала, но обычно уводила его обедать одна, без Па-ди.

Малон подбежал и взял ее за руку.

Утром родители напомнили ему, что в полдень будут разговаривать с учительницей. Малон знал: это из-за историй, которые он рассказывает. Странно и здорово было войти в пустой класс и получить в свое распоряжение все игрушки.

– Господин и госпожа Мулен? Прошу вас, садитесь... – Клотильда Брюйер смущенно кивнула на маленькие, сантиметров тридцать в высоту, стульчики – других в младшей группе не было. Обычно собрания с родителями учеников проходили здесь, и проблем ни у кого из взрослых не возникало.

Обычно...

Димитри Мулен – рост метр восемьдесят, вес сто десять кило – пристроился на лилипутском стуле и сразу стал похож на циркового слона, взгромоздившегося на тумбу. Колени почти уткнулись в подбородок.

Клотильда повернулась к Малону:

– Оставишь нас, великан? Пойди поиграй во дворе и не скучай, мы тебя позovem.

Малон не удивился и не расстроился. Он заранее посадил Гути в углу рядом с куклами, на синюю кроватку. Никто не обратит внимания на плюшевую игрушку,

а Гути потом все-все ему расскажет. Мальчик вышел из класса и с вождением посмотрел на горку и туннель: там всегда играли дети из старшей группы, а до малышни очередь доходила редко. Он не знал, на что решиться.

Небо совсем потемнело и грозило дождем. Туалет находился далеко от игровой площадки, очень далеко, практически на другом конце двора. Если начнется ливень, он не успеет добежать и наверняка попадет под стеклянные капли.

Из-за закрытой двери раздался крик Па-ди. «Бедненький мой Гути...» – подумал Малон. Он знал, что его любимец побаивается Па-ди, когда тот ругается.

Димитри Мулен нервно переступал ногами по линолеуму с нарисованным городом, давя дома, сады и дороги с машинками.

– Буду говорить прямо, госпожа Брюйер. У меня есть дела поважнее визитов в детский сад! Я наконец снова нашел работу, и мне пришлось упрашивать патрона, чтобы разрешил выйти сегодня после обеда. Вам на это наплевать, вы свою зарплату будете получать каждый месяц, до самой пенсии. У меня совсем другая жизнь...

Ну, пошло-поехало! Очередная обвинительная речь в адрес государственных служащих. Клотильда пропустила инвективы недовольного папаши мимо ушей. Педагогический стаж у нее небольшой, всего шесть лет, и два года на посту директора, но кое-какой опыт она накопила. Клотильда выбрала работу с самыми маленькими детьми, потому что по характеру была мягкой и терпеливой, и это помогало ей справляться с разбушевавшимися отцами.

– Давайте вернемся к теме нашего разговора.

– Согласен. И ближе к делу. Вот, я принес все бумаги, убедитесь сами! – Он достал из висевшего на плече рюкзака несколько картонных папок. – Свидетельство о рождении! Семейная книжка с печатями мэрии и родильного дома. Альбомы с фотографиями малыша с первого дня его жизни. Глядите, глядите! Разве это не наш мальчик?

Сидевшая рядом с мужем Аманда вела себя отстраненно и в разговор пока не вступала. Ее взгляд был прикован к синей игрушечной кровати в углу, на

которую ее сын посадил Гути. «Он как будто шпионит за нами... Господи, что за глупости! Не может плюшевая игрушка ни за кем шпионить...»

– Не стоит так нервничать, господин Мулен! Мы никогда не подвергали сомнению тот факт, что Малон – ваш сын. Но...

– Не держите нас за идиотов! – перебил директрису Димитри Мулен. – Мы очень даже хорошо поняли намеки этого мозговеда, румына, как его там? Василе? И ваши фразочки в дневнике моего малыша.

Мягкость и терпение. Нужно придерживаться выбранной стратегии. Вряд ли папашу Мулена укротить будет труднее, чем Килиана и Ноа, главных заводил класса.

– Я пригласила вас на встречу по одной-единственной причине: ваш сын говорит вещи, необычные для ребенка его возраста. Детский психолог забеспокоился и поделился тревогой со мной, а я всего лишь хочу кое-что уточнить.

– Уточнить! Прямо полицейский допрос.

Клотильда сделала шаг вперед и присела на корточки – так, чтобы ее лицо оказалось вровень с глазами Мулена-старшего. Поза была привычной – она почти весь день существовала на высоте детского роста, так что у этого детины нет пространственного преимущества. Только не в ее классе.

– Ну-ка, успокойтесь! – Она бросила на него суровый взгляд. – Полиция тут ни при чем. Мы в школе. В моей школе! В интересах вашего ребенка будем общаться как цивилизованные люди.

Собеседник Клотильды дернулся было, но жена положила руку ему на бедро и не дала вскочить со стульчика.

– Ладно... – Он с вызовом посмотрел на молодую учительницу. – Против вас я ничего не имею, но этот психолог... – Мулен сделал паузу, подавившись «нелицеприятной» характеристикой. – Разве родители не имеют права запретить ему встречаться с ребенком?

Клотильда ответила не сразу.

– Это не так просто сделать, все зависит от...

– Да начхать мне на вашего специалиста! – снова перебил ее Мулен, но уже не так агрессивно: у крошечной училки явно есть характер, ему такие нравились. – Я и сам вижу – с мальчиком что-то не так. Он не болтливый, но знает много всяких слов – слишком сложных для четырехлетнего мальчугана, а в голове у него... толчется слишком много народу, ну, вы понимаете, о чем я. Если разговоры помогают, тем лучше. Пусть с ним беседует кто-нибудь из взрослых, но не Василе Драгонман. Есть у вас другой человек? Более...

– Что – более?

– Сами понимаете. – Он хохотнул. – Более французский француз, а не какой-то паршивый румын.

Димитри наклонился и положил на пол альбомы с фотографиями, закрыв большую часть нарисованного города.

– Давайте уж, посмотрите, не то получится, что мы зря сюда притащились. Глядите – и мы пойдем.

Клотильда демонстративно отвела взгляд от снимков.

– Василе Драгонман – не мой подчиненный. Я сегодня пытаюсь, так сказать, навести мосты. Мы поговорим, все обсудим, и я сообщу свои выводы психологу, а после этого вы встретитесь еще раз, и не откладывая.

Мулен задумался, и его жена впервые задала вопрос:

– Выходит, школьный психолог может подать докладную через вашу голову?

– Да. Если сочтет, что ребенку грозит опасность, то обратится в Социальную помощь детству, и для начала к вам приставят инспектора...

– Для начала?! – взревел Димитри. – А что будет потом?

Клотильда незаметно убрала из-под ноги Мулена пожарную машинку, чтобы он не раздавил ее каблучищем, и произнесла тонким голоском:

– Потом он напишет заявление в полицию.

– В полицию?! Издеваетесь? Из-за мальчонки, которому нет и четырех и который едва может связать три фразы?

Клотильда спасла следующую машинку. Она не торопилась отвечать, понимая, что вернула себе преимущество.

– Я не утверждаю, что сделаю это, – наконец сказала она и улыбнулась, чтобы успокоить родителей Малона. – Ваш сын – чудесный ребенок, вы идеально о нем заботитесь, он нормально развивается. Кроме того – между нами! – я совсем не жажду, чтобы полиция открывала дело и задавала вопросы детям, папам и мамам.

Клотильда придвинулась еще ближе к Димитри, чтобы смотреть ему прямо в глаза: именно такая поза позволяла ей брать верх над самыми отчаянными шалунами в классе.

– В такой маленькой деревне, как Манеглиз, это никому не нужно. Согласны, господин Мулен? Значит, мы спокойно побеседуем и вы попытаетесь объяснить, почему наш фантазер утверждает, будто вы – не его родители.

Димитри Мулен открыл было рот, но Аманда его опередила.

– Помолчи, – почти жалобно попросила она. – Помолчи и позволь мне сказать.

* * *

На железную горку упала первая капля дождя. Упала и скатилась на песок.

За ней вторая. Потом третья.

Каждая новая была опасней предыдущей.

Малону повезло, даже очень – все опасные стекляшки пролетали мимо.

Пока.

Он бросил последний взгляд на окно своего класса, где на стенах висели рисунки учеников и отпечатки маленьких ладошек: каждый окунал руки в миски с краской, и ему досталась ярко-красная.

Там, за стеклом, родители разговаривали с учительницей. О нем. А может, о маме. И о пиратах, ракетах и людоедах. Взрослым, наверное, это известно, а он сам все помнит благодаря Гути.

Очередная капля шмякнулась на маленькую кроссовку.

Она едва его не задела! Малон кинулся бежать.

От туалета его отделяло расстояние метров в двадцать, а то и больше.

Скорее, скорее, нужно открыть дверь и спрятаться там, как учила мама!

7

Сегодня моя младшая сестра Агата съела все запасы конфет, прежде чем я вернулась из коллежа, а мама – с работы.

Желание убить

Одна из них была с цианидом!

Не нравится: 253

Нравится: 27

Василе Драгонман разложил перед Марианной Огресс бумаги и постучал пальцем по белому листу с четырьмя черными вертикальными линиями, перечеркнутыми красным зигзагом:

– Вот, смотрите внимательно...

Она прикрыла рисунок ладонью:

– Нет, давайте с самого начала! Кто он, этот мальчик? Расскажите в двух словах о его родителях.

– Родители – нормальные люди. Самые обычные. Ничего примечательного в них нет. Матери, Аманде Мулен, чуть за тридцать, но можно дать лет на десять больше. Отец старше, ему как минимум сорок. Женаты много лет. Живут в маленьком коттедже в Верхнем Манеглизе, почти на окраине деревни, в районе сквера Мориса Равеля, если быть точным. Весь Манеглиз – небольшой центральный квартал, вокруг частная застройка. Аманда работает кассиршей в «Вивеко», это продуктовый магазин самообслуживания. Он, если не ошибаюсь, электрик, ищет – пока безуспешно – постоянную работу, тренирует детскую футбольную команду.

– Вы с ним встречались?

– Один раз, в самом начале. В тот момент вопросов у меня было гораздо меньше.

Василе говорил извиняющимся тоном, как будто чувствовал неловкость за то, что невольно бросает тень подозрения на приличную семью. Марианна подумала, что психолог сейчас похож на маленького мальчика, который вынужден выступать в роли противного ябедника, и его ужасно мучит совесть. Она сегодня же вечером допросит Энджи и выяснит, что связывает подругу с этим красавчиком. Вряд ли у них роман. Психолог-интеллектуал не ее тип, Энджи любит «плохих парней».

По коридору мимо стеклянной стены шел Дед со стаканчиком кофе в руке, майор бросила на него вопрошающий взгляд, и он в ответ отрицательно покачал головой. Никаких новостей от профессора Ларошеля, стало быть, ничего нового о Тимо Солере...

– Хорошо, господин Драгонман, давайте вернемся к мальчику. Объясните мне эти рисунки.

– Как я уже говорил по телефону, он утверждает, что у него была другая жизнь – не та, что сегодня, не в Манеглизе, не с родителями Амандой и Димитри Мулен. Он детально описывает эту предыдущую жизнь, хотя обычно, по словам учительницы Клотильды Брюйер, Малон Мулен общительностью не отличается.

– А вам он почему доверился?

– Это моя профессия.

«Хорошо сказано! – подумала Марианна. – Василе очень мил и идеально воспитан, но цену себе знает. А что, если он мифоман? Сочинил историю, чтобы привлечь к себе внимание... Этакое “дело тринадцати из Утро”?[5 - Утро? – небольшой городок на севере Франции. В ноябре 2001 года «дело о педофилах из Утро» потрясло всю страну. Власти сообщили, что им удалось обезвредить группу из 18 горожан, систематически занимавшихся совершением несовершеннолетних. Главной уликой стали свидетельства детей арестованных. Показания были сняты при посредничестве детских психиатров, напуганные и дезориентированные дети отвечали утвердительно на все вопросы. Но подследственные настаивали на своей невиновности, призналась только одна обвиняемая, еще один человек повесился в камере. Два судебных процесса в 2004–2005 гг. доказали полную несостоятельность версии обвинения. 13 человек из 17 оставшихся в живых были освобождены в зале суда.]»

– Смотрите на рисунки, – продолжил психолог, – так вам будет проще понять. Четыре вертикальные линии, по словам мальчика, это башни замка, рядом с которым он жил. Красный зигзаг – ракета. Он уверяет, что видел, как она взлетает в небо. Много раз.

Марианна вздохнула. Она слушала весь этот бред по одной-единственной причине: Драгонман помогал ей скоротать время в ожидании звонка хирурга,

когда можно будет послать пять машин в порт и взять наконец Тимо Солера. Она мельком взглянула на компьютер, заметила открывшийся на экране сайт jelanie-ubit.com и снова подумала об Энджи.

А вдруг подруга над ней подшутила? Что, если этот так называемый психолог – один из ее приятелей с актерскими способностями?

– Вы забыли о пиратах, – рассеянным тоном произнесла Марианна. – Вчера вы упоминали пиратский корабль.

Василе предпочел не заметить иронии.

– Совершенно верно! – Он подвинул к ней другой рисунок: – Синие штрихи – это море. Малон все время повторяет, что видел его из окна своей комнаты. А две черные точки – корабль.

– Так один пиратский корабль или два?

– Один, но расколотый надвое. Его он тоже видел из окна. Именно такого рода уточнения из уст четырехлетнего мальчика настораживают больше всего. Он никогда не сбивается, на каждом сеансе повторяет все слово в слово.

Марианна провела пальцем по синему морю на рисунке.

– А что насчет леса людоедов? Я помню, в истории был лес.

Она подалась вперед, выставив грудь, свой лучший и единственный аргумент в общении с мужчинами. Разыграла ее Энджи или нет, пора заканчивать комедию.

– Скажите честно, господин Драгонман, чего вы хотите? Как глубоко надеетесь вовлечь меня в эту странную историю? Вы же не станете утверждать, что поверили ребенку, что вас убедили сказки и рисунки?!

Глаза психолога сверкнули. Два кусочка керамики цвета сиенской терракоты разлетелись вдребезги, столкнувшись с жестоким, ледяным, расчетливым миром.

– Да, майор, как бы странно это ни звучало, я ему верю! Восемь лет учебы и столько же лет работы «на земле», как вы говорите, должны были убедить меня, что мальчик создал свой внутренний мир со свойственными ему одному символами, психологический лабиринт, по которому следует передвигаться с особой осторожностью. Называйте это как хотите – инстинктом или интуицией, – но я уверен: большинство воспоминаний Малона реальны. И плевать, что это противоречит психоанализу! Повторяю, я уверен, что малыш видел все, что нарисовал.

– В своем доме в Манеглизе?

– Конечно нет!

«Проклятье!» – мысленно выругалась Марианна, крепко сцепив пальцы под столом. Она чувствовала, что против собственной воли втягивается в немыслимую историю и делает это, потому что в ожидании звонка профессора лучше смотреть в дивные, цвета медовой коврижки глаза психолога, а не пялиться на кофемашину.

– У вас есть что-нибудь еще, господин Драгонман? Более конкретное?..

– Да.

Психолог покопался в старенькой кожаной папке и выложил на стол несколько снимков торгового центра:

– Узнаёте?

– А должна? Во Франции несколько тысяч подобных комплексов.

– Этот находится в Мон-Гайар, самом большом районе Гавра. Малон утверждает, что именно здесь мать – настоящая – передала его второй матери, Аманде Мулен. Я показывал ему много фотографий. Он узнал «Макдоналдс», логотип «Ашана» и красно-зеленого попугая, символ «Пиратского островка». Все три магазина есть только в этом торговом центре. Ребенок не мог такое выдумать...

Марианна внимательно просмотрела все снимки, подняла глаза на Василе и вынесла вердикт:

– Не согласна. Он перепутал. Ваш Малон с самого рождения каждую субботу проводит в этом потребительском раю, как и все обитатели северной части эстуария.

– Мальчик ничего не путает, майор! Очень трудно за несколько минут объяснить вам тонкую разницу, существующую между семантической памятью и памятью эпизодической, но Малон не ошибается, уверяю вас!

Красивый, гордый и упертый... Чертов умник...

Марианна вздохнула.

– И как давно, по-вашему, состоялся обмен мамами?

– Много месяцев назад. Возможно, год. Это не первичное воспоминание, а воспоминание о воспоминании[6 - Когда человек извлекает информацию из эпизодической памяти, он вспоминает происходившее с ним, заново восстанавливает в памяти информацию, как будто все происходит здесь и теперь. Такое осознание задействует личный опыт человека, события, в которых он участвовал. Воспроизведение эпизодической информации – «Я помню» (это происходило со мной лично), воспроизведение семантической информации – «Я знаю».), если хотите.

– Не понимаю, объясните подходчивей.

– Воспоминание, о котором он заставляет себя думать каждый вечер, чтобы не забыть, если никто ему не напомнит. Воспоминание, которое он вбивает себе в голову, как гвоздь. И вешает на этот гвоздь в мозгу воображаемую простыню, не желая видеть, что за ней.

– А что за ней?

– То, что он пережил до обмена в Мон-Гайар. То, что ему удастся выразить только рисунками. Людоеды, пираты и многое другое. Реальность, которую

почти невозможно визуализировать напрямую.

– То есть мальчик был травмирован и прячет эту внутреннюю травму?

Василе одарил майора Огресс мальчишеской улыбкой.

– Для меня это очевидно! Я готов усомниться в его словах о двух мамах, я не знаю, насколько искренни Мулены, но в одном не сомневаюсь: малыш перенес тяжелейшую травму и его мозг возвел толстенные стены, чтобы запереть призрак в самом дальнем уголке памяти.

Психолог почувствовал, что снова завладел вниманием Марианны, и продолжил, стараясь не торопиться и говорить убедительно:

– Есть одна загвоздка... понимаете, это не травма в ее классическом виде. Малон не боится своих новых родителей. Он их даже любит. Но считает, что они ненастоящие мама и папа.

– Подобные симптомы могли быть спровоцированы педофилией или жестоким обращением со стороны близкого человека, не обязательно отца или матери?

– Я ничего подобного не выявил.

Марианна посмотрела на часы. 12:20.

Уже несколько секунд в окно ее кабинета ломился неистовый, необузданный, злой ливень. В Гавре часто случались короткие дожди, влажность и сероватый туман пропитывали бетонные стены домов в центре города, портовые камни и галечные пляжи.

Через стекло перегородки Марианна видела, как по коридору не торопясь прохаживаются ее подчиненные. Этот язык тела означал одно: Тимо Солер признаков жизни не подавал. Или признаков смерти – если профессор Ларошель слишком уж активно «пошалил» скальпелем.

Она решила продолжить разговор, и на сей раз не ради прекрасных глаз психолога. Пусть расскажет о раннем детстве Малона Мулена и всех других

малышей с «нуля до четырех». Майор Огресс надеялась, что однажды сумеет выносить и произвести на свет такого человечка.

– Буду откровенна, господин Драгонман. Все, что я сейчас услышала, напоминает дурацкую шутку, но вчера вы сказали, что дело срочное, и меня это обеспокоило. Вы утверждаете, что память вашего маленького пациента сотрется, поэтому действовать нужно очень быстро. Объясните точнее, что случится, если никто, кроме вас, ему не поверит?

8

Маленькая стрелка на 12, большая – на 4

Между дверью и белым кафельным полом оставалась щель сантиметров в десять – наверное, чтобы уборщице было удобнее выметать занесенный с улицы сор. Малон смотрел на маленькую лужицу. Он легко преодолеет эту преграду, хотя прыгает хуже старших ребят, да и бежит не так быстро.

Пусть кроссовки намокнут, главное, что упавшая с неба вода умирает, разбившись о землю, и перестает быть опасной. Совсем как пчелы: они жалят – и сразу умирают, ему Мама-да говорила. Она часто рассказывает о пчелах, комарах, муравьях и других маленьких букашках.

Да, придется прыгнуть.

Когда все закончится.

Не сейчас.

Малон слышал, как дождь барабанит по крыше туалета, но не знал, мертвые это капли или живые, те, что жалят, как тысяча змей, как тысяча стрел из луков рыцарей, если вы не успели спрятаться.

Он наклонился, чтобы еще раз посмотреть через щель. На другой стороне двора, за окном его класса, угадывалось лицо Мама-да.

* * *

– Мне здесь неудобно, мадемуазель...

Димитри Мулен ерзал на детском стульчике и разговором совершенно не интересовался. Аманда Мулен отщипнула кусочек пластилина и принялась скатывать крошечные шарики.

– Понимаете, я никогда не любила учиться. Поступила в 1987-м, почти тридцать лет назад. Это моя родная школа. Директором работала госпожа Кутюрье. Тогда во дворе не было горки, в классе – игрушек, а за партами сидело всего пятнадцать человек. Я должна была бы чувствовать себя здесь как дома, но хороших воспоминаний у меня не осталось. Я говорю вам все это, чтобы вы поняли: праздники, родительский комитет, продажа пирожных на школьной ярмарке – это не мое. Не то чтобы я не хотела участвовать... Я знаю, это важно, но...

Аманда замолчала. Соединила красный комок с белым и скатала один розовый, с алыми прожилками. Клотильда терпеливо ждала продолжения.

– В общем, я не любила учиться – с самого раннего детства, лет с трех. Наверное, я не одна такая, лентяев на свете больше, чем отличников, верно? Я шесть лет сижу за кассой в «Вивеко» и все время общаюсь с покупателями, любой вам скажет. Я не особо застенчива, но у вас смущаюсь. Вокруг полно людей поумней тебя, думаю, они все знают, у них есть собственное мнение... Я имею в виду тех, для кого школа была удовольствием.

Аманда безостановочно мяла в руках розовые шарики, перекидывая их с ладони на ладонь. «Меня предупреждали...» – подумала Клотильда. Родители часто проявляют недоверие и враждебность, даже бывают агрессивными, стоит им попасть на школьный двор, но в данном случае причина в страхе, идущем из детства.

– Расскажите мне о Малоне, госпожа Мулен.

– Конечно, сейчас. Я заговорила о себе, потому что это важно, иначе вы не поймете. Мы здесь, потому что Малон все время повторяет, что мы не его настоящие родители, и школьный психолог ему верит, так? Разве можно

принимать такие слова всерьез? Малон живет с нами с самого рождения. Мы много фотографировали нашего сына, его дни рождения, праздники с соседями, прогулки по лесу, отпуск на море, игры в детском уголке торгового центра. С первой минуты жизни Малона мы расставались с ним всего на два дня – год назад, когда ездили на свадьбу к моей сестре в Ле-Ман. Если бы нам подменили ребенка, мы бы точно заметили!

Клотильда натянуто улыбнулась, а Димитри даже глаз не поднял от игрового коврика.

– Спросите кого хотите, мадемуазель, – не успокаивалась Аманда, – наших соседей, моих родственников, семью Димитри, няню Малона, мамочек, которые гуляют с детишками в парке Эланд... Это мой ребенок! Вы ведь помните, мы пришли записываться в школу в прошлом мае. И в мэрии не могли забыть, как мы регистрировали сына. У нас все бумаги в порядке.

– Конечно, госпожа Мулен, никто в этом не сомневается.

В классе наступила тишина – полная, какой Клотильде никогда не удавалось добиться от учеников. Первой не выдержала Аманда. Она уронила розовый колобок на вельветовую юбку и спросила дрожащим голосом:

– У нас ведь его не заберут, правда?

Димитри вздрогнул, поддал носком ботинка белую машинку «скорой помощи», изумленная директриса открыла было рот, но Аманда продолжила:

– Мы заботимся о малыше как умеем, мадемуазель. Когда я забеременела, купили дом в Манеглизе. Это было чистое безумие, Димитри подтвердит. Нам никто не помогал, мы закабалили себя на тридцать лет, хотя ссуды были беспроцентные, но не воспитывать же ребенка в муниципальном доме в Мон-Гайар! А еще тут хорошая школа. Так я, во всяком случае, думала.

Димитри Мулен бросил на жену раздраженный взгляд, но она этого не заметила.

– Мы делаем все, что можем, мадемуазель. Следуем советам. Малон играет на воздухе, ест овощи – приходится его заставлять, редко смотрит телевизор. Мы

ему читаем. Стараемся дать сыну шанс, которого не было у нас. – Аманда достала носовой платок, стиснула его в кулаке. – Если бы вы только знали, что для меня значит этот мальчик! Клянусь, я все для него делаю.

– Никто в этом не сомневается, госпожа Мулен, – повторила Клотильда, подойдя так же близко к Аманде Мулен, как делала всякий раз, собираясь причесать одного из малышей или вытереть ему нос. – Вы очень стараетесь, делаете все, что нужно. Но почему же Малон рассказывает то, что рассказывает?

– Истории о ракетах, замке, пиратах и другой жизни – прежней, той, что была у него до нас?

– Да.

– Все дети фантазируют, сочиняют, разве нет?

– Верно... но почти никто не утверждает, что живет с чужими людьми, что мама и папа – не его родители.

Аманда надолго задумалась. Димитри снова вытянул ноги и демонстративно застегнул молнию на куртке – ему явно не терпелось уйти, но жена никак не отреагировала на этот жест.

– Считаете, мы плохо о нем заботимся? – спросила она.

– Вовсе нет! – чуточку слишком поспешно ответила Клотильда.

– А я иногда думаю, что мы делаем недостаточно. Малон лучше нас. Умнее. После первой встречи с нашим мальчиком психолог сказал, что он развит не по годам. Мы это понимаем, потому и согласились, чтобы Драгонман с ним пообщался. Голова Малона забита всякими историями, он живет в собственном мире, куда нам с Димитри доступа нет.

– О чем вы?

– Возможно, Малон хотел бы иметь других родителей – богаче, моложе, образованней, летать с ними в отпуск на самолете, кататься на горных лыжах,

ходить по музеям. Наверное, он потому и придумывает себе маму и папу, не похожих на нас...

– Вы ошибаетесь, госпожа Мулен, у детей иная логика.

– А вот я ушла от родителей именно из-за того, что хотела жить по-другому. Забыть о деревне, работе, хозяевах. И думала, что все получилось, – пока вы меня не вызвали.

– Я вас не «вызывала», госпожа Мулен. И о другой жизни мечтают подростки, но не такие малыши.

– Но я же говорила, мадемуазель, что Малон развит не по годам!

Димитри Мулен резко вскочил, заполнив собой все пространство.

– Ну хватит! Я опаздываю на смену, а мой сын уже чертову прорву времени мается один во дворе.

У Аманды не осталось выбора – она тоже встала, а ее муж смерил взглядом Клотильду, посмотрел в окно на Малона – дождь перестал, мальчик покинул свое «укрытие» – и сказал:

– Мой мальчишка в полном порядке! Передайте вашему психологу, что если не отстанет, я поговорю с ним по-мужски. Малона не бьют, не насилуют и вообще ничего такого. С ним все хорошо, ясно? А воспитываю я сына так, как сам считаю нужным!

– Понимаю.

Учительница открыла дверь, посмотрела на стоявшего рядом с горкой Малона и произнесла:

– Я уже несколько месяцев каждый день вижу вашего ребенка в классе, поэтому все-таки позволю себе дать один совет: одевайте его потеплее.

– Разве обещали похолодание? – вскинулась Аманда.

– Насчет погоды я ничего не знаю, но Малон мерзнет. Часто. Почти всегда. Даже в солнечные дни.

«Шкода фабия» быстро катила по пустынным улицам Манеглиза.

Дорога на Бранмаз. Па-ди все время постукивал по рулю пальцами. Малон сидел в детском креслице, крепко сжимая в руках Гути.

Маленькая стрелка на 1, большая – на 4

Ему не терпелось вернуться в свою комнату и спрятаться под одеялом, чтобы Гути все ему рассказал...

9

– Итак, майор, вы хотите понять, как функционирует детская память?

Марианна кивнула. Василе Драгонман набрал в грудь побольше воздуха и начал излагать:

– Ладно, попробую. Заранее прошу простить, если мои объяснения покажутся вам слишком длинными. Все не так уж и сложно, главное – запомнить принцип, один-единственный и вполне элементарный. Чем старше становится ребенок, тем дольше сохраняются его воспоминания. Трехмесячный малыш помнит неделю. Игру, музыку, вкус... Шестимесячный – три недели, полуторагодовалый – три месяца, трехлетний – шесть месяцев...

Марианна нетерпеливо отмахнулась:

– Будем считать, что математическую теорию я усвоила. Но ведь детская память зависит от других критериев, я права? Полагаю, ребенок лучше помнит вещь или человека, которые видит каждый день. Как и из ряда вон выходящее событие, которое ужасно ему понравилось или до ужаса напугало. Все верно?

– Нет, – психолог покачал головой, – так это не работает. Ваши рассуждения применимы к памяти взрослого человека, способного сделать выбор между важным и второстепенным, полезным и бесполезным, истинным и ложным. Память ребенка до трех лет функционирует совершенно иначе. Все нереактивированные впоследствии воспоминания неизбежно стираются. Приведу пример. С первого дня жизни и до трех лет вы каждый день показываете ребенку один и тот же мультфильм. Он без конца его смотрит и скоро знает наизусть. Персонажи становятся лучшими друзьями малыша. Потом вы на целый год «забываете» о мультфильме, а на четвертый день рождения сажаете сына перед телевизором и... он смотрит его, как в первый раз!

– Неужели?

– Да! Точно так же память работает в отношении людей, даже близких – умершего деда или переехавшей подружки. Конечно, мы исходим из предположения, что люди крайне редко много месяцев обходят молчанием значительное воспоминание. Та к называемая короткая память маленьких детей практически безотказна. Малыш знает, где утром спрятал свою соску, он помнит, какого цвета качели в парке, куда его водят играть каждую неделю, может описать собаку, которую видит за чужим забором, когда идет с мамой в булочную, особенно если повторяющиеся действия все время упоминают в разговорах.

– Значит, память ребенка конструируют родители?

– Почти на сто процентов. Кстати, это и к нам относится. Психологи называют такую память эпизодической, или автобиографической. Наша взрослая память практически целиком состоит из не прямых воспоминаний: фотографий, рассказов, фильмов. Что-то вроде арабского телефона: воспоминания о воспоминаниях. Человек уверен, что во всех деталях помнит, как провел каникулы тридцать лет назад, помнит каждый день, каждый пейзаж, каждую эмоцию. На самом же деле это всего лишь картинки, всегда одни и те же, которые он отобрал и выстроил, отталкиваясь от сугубо личных критериев, – наподобие камеры, снимающей с одного ракурса одну часть декорации. Тот же принцип действует в отношении первого падения с велосипеда, первого поцелуя, криков радости после объявления результатов экзамена на степень бакалавра. Ваш мозг тасует воспоминания и удерживает лишь то, что важно и интересно. Если бы мы могли отмотать время назад, увидели бы, что реальные факты имеют мало общего с воспоминаниями. Какая была погода? Что вы

делали до, после? Кто там был, кроме вас? Нет ответов. Остались только вспышки – озарения!

Марианна все время посматривала через плечо психолога на коллег, фланировавших по коридору с сэндвичами и стаканчиками кофе. Значит, Тимо Солер с профессором Ларошелем не связывался.

– Я далеко не все поняла, господин Драгонман, – сказала она, – но готова верить на слово. Давайте вернемся к детям. В какой момент появляются воспоминания, сохраняющиеся на всю оставшуюся жизнь?

– Трудно сказать. Некоторые люди свято верят, что помнят события, пережитые в два-три года, однако речь идет о воспоминаниях «с чужих слов», или реконструированных воспоминаниях. Это относится к приемным детям, особенно к усыновленным в других странах: им трудно отделить реальные воспоминания от тех, что основаны на рассказах взрослых, или тех, которые они себе нафантазировали. Канадские исследователи выяснили, что приемные дети, узнавшие об усыновлении в самом раннем возрасте, свято верят, что помнят свою «первую жизнь». У тех, для кого усыновление осталось тайной, подобных «воспоминаний» нет.

Психолог опустил глаза на рисунки Малона Мулена, помолчал и продолжил:

– Подведем итог, майор. У большинства из нас не существует практически ни одного непосредственного воспоминания о том, что было пережито в четыре-пять лет. Вы никогда не забудете того, что происходило в первые шестьдесят месяцев жизни ваших детей. Будете с умилением вспоминать, как водили их в зоопарк, возили к морю, рассказывали сказки, праздновали дни рождения и Новый год, словно это случилось вчера. Вы – но не они!

Марианна бросила на психолога изумленный взгляд, как будто он только что высказал жутко еретическую мысль.

– Но ведь педиатры утверждают, что основы личности закладываются до четырех лет...

Василе Драгонман улыбнулся: он заманил майора куда хотел.

– И они правы! Первые годы – самые важные. А если верить психогенеалогическим[7 - Психогенеалогия – психоаналитический метод работы с семейным наследием: исследуя историю своих предков, свои корни, мы можем получить объяснение наших нынешних проблем, заболеваний, неадекватного поведения. Создатель термина – французский психотерапевт Анн Анселин Шутценбергер.] теориям и трансгенерационным бредням[8 - Автор имеет в виду теорию трансгенерационной (межпоколенческой) передачи особенностей жизни, неосознанного повторения ситуаций, значимых дат, семейных тайн. По этой теории повторяться могут не только события, но и чувства, их сопровождающие, – интерпретация события с соответствующей эмоциональной реакцией. Это чувства обиды, вины, зависти, ревности.], эти самые «основы» начинают формироваться в период внутриутробного развития. Ценности, вкусы, личность... Все творится в первые годы жизни и запечатлевается навсегда! Все – только не непосредственная память о фактах! Поразительно, парадоксально, не так ли? Наша жизнь управляется событиями, актами насилия и проявлениями любви, подтверждения которым мы не имеем. Эдакий черный ящик, ключ от которого потерян навек.

– И воспоминания хранятся в этом самом ящике? – спросила Марианна, пытаясь осознать услышанное.

– Да... По сути своей это довольно простой механизм. Пока речь не освоена, мысль развивается через образы – как и память. С психоаналитической точки зрения это означает, что воспоминания могут храниться только в подсознании, а не в сознании и не в предсознании.

Майор Огресс сделала большие глаза, желая показать, что запуталась. Психолог подался вперед и принялся терпеливо объяснять:

– Иными словами, в памяти маленького ребенка, который вроде бы все забыл, обязательно остаются следы! Это так называемая сенсорная, или сенсорно-моторная память. Она выражается в смутных эмоциях, впечатлениях, ощущениях. Классический пример: мальчик, которому сделали обрезание в возрасте трех месяцев, до десяти лет ужасно боится больницы, ее запахов и звуков, не понимая природы этого страха и даже не зная, что уже бывал там. На нашем «птичьем», профессиональном языке такую подсознательную травматическую память называют фантомной.

Марианна все больше увлекалась разговором, и не только потому, что ореховые глаза психолога загорались азартом, как только он начинал излагать очередную теорию. Она упивалась ситуацией, как сверхмотивированная студентка. Ей казалось, что она плывет к незнакомому материку или девственному острову, населенному маленькими дикарями «от нуля до четырех», которых можно воспитывать и формировать по образу и подобию родителей. Мечта любой мамы!

– Позвольте глупый вопрос, господин Драгонман. Какое решение должен принять воспитатель, имея дело с травмированным ребенком? Что будет правильно – помочь ему забыть или облечь ощущения в слова, поговорить о них, чтобы фантом не угнездился в самом дальнем уголке мозга?

Ответ Василе последовал незамедлительно:

– Тут все психологи единодушны, майор: отрицание травмы есть форма защиты, которая ничего не решает! Чтобы жить с травмой, нужно принять ее, противостоять ей, облечь чувства в слова. Это называется коэффициентом удельного сопротивления на удар – термин, введенный в оборот Борисом Цирюльником[9 - Борис Цирюльник (Boris Cyrulnik, р. 1937) – известный французский нейропсихолог, этолог и психотерапевт.].

– Вам не кажется, что тут есть нечто идиотское? – спросила Марианна, обожавшая провоцировать собеседника.

– Почему? – встрепнулся Василе.

Она поняла, что заработала очко, и решила развить преимущество:

– Ну... я вспоминаю фильм «Вечное сияние чистого разума»... Историю об обществе, в котором болезненные воспоминания можно просто стереть. Заманчиво, вам так не кажется? Чем горевать по ушедшей любви, лучше навсегда забыть о ней!

– Это ненаучная фантастика, майор.

Ура, он попался!

– Конечно, для взрослых... Не для маленьких детей – если верить тому, что вы рассказали! Взрослый человек с постоянной памятью не может вытеснить травму. Выход один – извлечь ее, как опухоль. Но у четырехлетнего ребенка все происходит иначе, так? Все сознательные воспоминания исчезают бесследно? Лично я готова спорить, что лучше ничего не говорить, пусть воспоминания улетучатся, растворятся, начнут казаться нереальными... Даже если ребенок смутно помнит обстоятельства, при которых был травмирован, он будет отождествлять их с прочитанным в книге или увиденным на экране. Своего рода теория удержания, или заточения, если хотите. А на практике так закапывают в землю радиоактивные отходы.

– Продолжайте, майор... – Разговор явно забавлял Драгонмана.

– Вообразите мальчугана года или двух от роду, пережившего геноцид, как дети из Камбоджи или Руанды, попавшие во Францию после того, как у них на глазах убили всех родственников. Как лучше поступить? Стереть воспоминания, чтобы они забыли о пережитых ужасах и росли, как все нормальные дети, весело и беззаботно, – или ничего не делать, и пусть всю жизнь несут эту ношу?

– Скажу откровенно, майор, с точки зрения психоанализа ваша теория неприятия действительности – полный бред! Сенсорная память ребенка войдет в противоречие с тем, что попытаются вложить ему в голову взрослые. И фантомов вы не прогоните... Однако... однако вы нарисовали очень точную картину. Мне понравилось сравнение с радиоактивными отходами. Рвануть может в любой момент! А может и не рвануть... – Драгонман подмигнул Марианне. – Единого для всех правила не существует. Подавленная жестокая травма способна спровоцировать амнезию – даже у взрослых. Иногда память возвращается, и человек неожиданно вспоминает о перенесенном в раннем детстве сексуальном насилии. Как в этом случае отличить ложное воспоминание от реального? Фантомы подсознания идут с нами по жизни, как маленькие верные и невидимые ангелы. Существует единственный способ научиться жить с ними в гармонии.

– И какой же?

– Любовь, майор, любовь! Ребенок прежде всего нуждается в физической и эмоциональной безопасности. В стабильности. В доверии к взрослому, который его защищает. Вербализация травм не играет роли, если отсутствует главный ингредиент: любовь матери, отца, любого другого взрослого, которому доверяет

ребенок. Ему нужна только любовь!

Марианна внимала словам Драгонмана, как песне. Этот тип со славянским акцентом и глазами цвета светлого дуба, блестящими, как школьная парта в первый день учебного года, наделен врожденным педагогическим даром. Чувством ритма, умением интонировать, нагнетать напряжение. Если все психологи такие, неудивительно, что студентки штурмуют аудитории, где читают курс этой науки.

Она перевела затуманенный взгляд на детские рисунки.

– Все ясно, господин Драгонман. Любовь матери важнее всего на свете. Но давайте вернемся к Малону Мулену. Я кое-чего не понимаю. Вы утверждаете, что история с заменой одной мамы на другую произошла в торговом центре много месяцев назад. Почти год. Как мальчик может помнить все детали, если у ребенка его возраста воспоминания так быстро улечиваются? Я уж не говорю о его прежней жизни – пиратских кораблях, ракетах, людоедах...

– Ему много месяцев подряд – каждый день, каждый вечер, каждую неделю – напоминают об этом.

От удивления Марианна чуть со стула не свалилась.

– Черт! Кто? Кто это делает?

Ответить психологу помешал вошедший в кабинет лейтенант Пьеррик Паделу. Весело ухмыляясь, он подал Марианне серо-голубой пуленепробиваемый жилет с надписью «Полиция» на спине:

– Пора, милая! Наш бесценный лекарь только что позвонил. Тимо Солер потребовал немедленной встречи – через час, в порту, в гавани Осака. Там же Ларошель зашивал его вчера.

Майор Огресс вскочила и скомандовала:

– Десять человек, пять машин, нельзя его упустить!

Василе Драгонман с изумлением наблюдал за вставшим на дыбы комиссариатом. Марианна была уже на пороге, когда он робко поднял руку:

– Вы не хотите узнать ответ на свой вопрос, майор?

– Какой вопрос?

– Кто рассказывает Малону Мулену о его прежней жизни.

– Он с вами поделился?

– Да...

– Ну же, говорите! – нетерпеливо поторопила Марианна, на ходу надевая жилет.

– Его игрушка.

– Что-о-о?

– Плюшевая игрушка по имени Гути. Малыш утверждает, что Гути каждый вечер – в кровати, под одеялом – говорит с ним о жизни, которая была «до». И... если хотите знать мое мнение... каким бы странным это ни казалось... я думаю, что он говорит правду!

Психолог с лучистым взглядом мог кого угодно убедить в том, что Марс обитаем, и уговорить любую женщину сесть вдвоем в ракету и отправиться заселять Красную планету.

10

Лейтенант Паделу наблюдал за припаркованной на другом берегу бухты белой «тойотой», спрятавшись за стеной контейнеров, напоминающих разноцветные стальные кирпичи. Других машин на полуострове, «запертом» шлюзом Франциска I, не было.

Все пути к отступлению отрезаны.

На западе – океан.

На юге – гавань Азии, Дед и два «рено меган».

На севере – гавань Северной и Южной Америк и еще два полицейских автомобиля, которые спрятались за гигантскими кранами, склонившими головы над венесуэльским теплоходом.

На восточной оконечности полуострова, где находился Солер, в пятом по счету «рено» сидели майор Огресс и капрал Кабраль. Они нашли укрытие за искусственными дюнами из песка и гравия, выбранными из устья, чтобы бронированные монстры могли подходить к бетонным пирсам.

Сизифов труд. Выкапываешь несколько кубических метров песка, а каждый океанский прилив приносит вдвое больше.

Лейтенант Паделу давно не был в порту, особенно здесь, напротив шлюза Франциска I и разводного моста, который был самым большим в мире, пока бельгийцы, а потом голландцы и китайцы не побили рекорд.

Сорок лет назад отец возил маленького Пьеррика на багажнике своего велосипеда между ящиками, которые разгружали докеры. Четыре пятых города еще лежали в руинах после жестокой бомбардировки. Сыщик не помнил, каким был Гавр до 1945-го, город роскошных вилл, богатых арматоров, казино и морских купаний. Город, который оплакивали старики. Его отец. Его мать. Тот Гавр, где доки Кафе и Океан превратили в кинотеатры, концертные залы, «Фнак», «Пимки» или «Фланч»[10 - «Фнак» (Fnac) – сеть больших магазинов, торгующих электроникой, книгами, пластинками и т. д. «Пимки» (Pimkie) – модный французский бренд женской одежды, имеющий сеть своих магазинов. «Фланч» (Flunch) – сетевой ресторан быстрого питания с системой самообслуживания, название происходит от английских слов fast (быстрый) и lunch (ланч).], куда молодняк приходит тусоваться, а не работать.

– Эй, Дед, слышишь меня?

Жан-Батист Лешевалье находился прямо напротив, в гавани Северной и Южной Америк. Их разделяли пятьсот метров океанской глади и четыре километра

дамб. Лейтенант Паделу вышел из задумчивости и нажал на кнопку рации:

– Угу... Слышу. Видишь «ярис»?

– Как на ладони. И Тимо Солера внутри. Бурден уже сделал несколько отличных снимков. Выглядит наш клиент паршиво. Похоже, он молится, чтобы Ларошель его не продинамил.

Дед посмотрел на часы. 13:12.

– Куда подевался чертов докторишка?

– Говорит, что едет. Ищет дорогу... похоже, он не знает, как забить в навигатор слова «промышленная зона».

Лейтенант отключил рацию и поднес к глазам бинокль. Тимо Солер сидел, прижавшись затылком к подголовнику и крепко ухватившись за руль. Его лицо то и дело судорожно подергивалось от боли, но он был настороже и пытался держать глаза открытыми. Оружия лейтенант Паделу разглядеть не сумел. Интересно почему?

Хочет иметь возможность мгновенно стартовать, если что не так?

Или совсем измучен болью?

Дед поднес к губам рацию:

– Какой план, Марианна? Мы не можем ждать профессора до вечера. Ж. Б. предлагает действовать...

– А ты что думаешь?

– Что красавчик Тимо вряд ли от нас ускользнет. Там, где он стоит, на юге, только одна дорога, а на севере два моста. Мы перекроем все выходы.

– Поняла. Но Солер не случайно там встал. У него круговой обзор окрестностей, он заметит нас за километр, как только покажемся, а гарантии, что наш подопечный не вооружен, нет. Дозвонился до врача?

– Ж. Б. говорит, он скоро будет...

– Тогда придерживаемся плана. Ларошель даст Тимо тиопентал, тот отключится минут через пять, и док начнет его резать. А мы подтянемся. Какая у профессора машина?

– «Сааб 9-3».

Марианна присвистнула.

– Было бы обидно начать без профессора, раз уж он готов не погнушаться нашим обществом и приехать в порт на такой роскошной тачке.

Дед оценил юмор начальницы.

– Для него это дело чести. Классовая солидарность! Не забывай, что Тимо Солер ограбил четыре самых роскошных магазина Довиля. Логика доброго доктора Ларошеля вполне понятна: во что превратится мир, если дать волю мужланам?

– Ладно, Дед, поострили, расслабились – и хватит! Ждем нашего поборника справедливости еще десять минут, потом выдвигаемся.

Порт выглядел вымершим. Казалось, что команды ушли со стоящих на приколе кораблей, техники бросили руководить разгрузкой и власть захватили машины и роботы – единственные выжившие в этом аду из стали и бетона. Опустевшие контейнеры громоздились на площадке, подчиняясь какой-то абсурдной логике, навсегда забытой с уходом последнего человеческого существа.

Дед ни на секунду не спускал глаз с белой «тойоты» и предавался философским размышлениям. Содержимое каждого контейнера наверняка стоит кучу денег, так почему эти гигантские железные коробки расставлены как попало и ни один бухгалтер из капитанства понятия не имеет, что за богатства занимают многие

километры пирсов?

Отец лейтенанта Паделу часто повторял, что порт, работающий на полную мощность, это порт, где нет кораблей. Корабль, стоящий у пирса, теряет деньги. Паделу-старший был докером, его бригада много и тяжело работала, соревнуясь с другими. «Как же все изменилось... – думал Дед. – Сегодня порт, работающий на всю катушку, это порт без людей!»

– Доктор еще в Арфлёре, – проскрежетал голос Ж. Б. в рации. – Сказал, что не там свернул, но, по-моему, врет – просто задержался в больнице. Обещал быть через десять минут.

Дед снова посмотрел на часы. Ларошель опаздывал уже на семь минут.

– Что делаем, Марианна?

– Ничего. Не теряем из виду «тойоту» и ждем.

Ждем.

Серый танкер медленно входил в бухту. Российский флаг. Значит, нефть. При такой скорости он через несколько минут окажется перед гаванью Северной и Южной Америк и перекроет Ж. Б. вид на полуостров. «Ничего страшного, – сказал себе Дед, находившийся на другой оконечности бухты, – нам с Марианной все отлично видно».

Мелкий частый дождь промыл серый бетон порта, осветлил свинцовое, линялое небо.

– Солер ожил! – рявкнула в рацию Марианна.

Дед подкрутил бинокль и успел разглядеть, как Тимо разогнулся с гримасой боли на лице, переключил скорость, его машина развернулась, подняв облако

пыли, и рванула на север, к красному металлическому мосту, находящемуся в нескольких сотнях метров от шлюзовых ворот.

– Он твой, Ж. Б.! – закричал Дед. – Солер сорвался и едет к тебе. Марианна его преследует.

Лейтенант Паделу занимал позицию между цистернами и дорогой к устью, чтобы перекрыть преступнику отход на юг, и теперь мог только наблюдать за коллегами. От машины Солера его отделяло расстояние в два километра.

«Рено» Марианны, завывая сиреной, вылетел из-за дюны, не оставив раненому грабителю ни единого шанса на бегство...

Дед перевел бинокль чуть выше, слегка опережая «тойоту», и...

Вот же черт!

Он прикусил губу, едва удержавшись, чтобы не выругаться прямо в рацию.

Солер все точно рассчитал.

В тот момент, когда его машина оказалась у шлюза Франциска I, нос русского танкера появился у края разводного моста. Солер прибавил скорости. Мост разошелся на несколько сантиметров, и половинки начали подниматься к небу.

Тревожный сигнал шлюза эхом откликнулся на завывания полицейской сирены. Замигали три красных огня, в свете синих фонарей на крышах полицейских машин цвет сменился на пурпурный, как будто сцена, снятая на черно-белую пленку, внезапно обрела краски.

«Тойота» влетела на мост. Машина выглядела крошечной на фоне танкера-гиганта. Как муха, приземлившаяся на рог носорога.

– Нужно прижать его, не дать проскочить! – заорал Дед. Помочь коллегам он был не в состоянии и задыхался от бессильной злобы.

– Я ничего не вижу, – откликнулся Ж. Б. – Проклятое русское корыто заслоняет мне обзор. Если Солер минует шлюз, мы с ним окажемся нос к носу.

«Если успеете...» – подумал лейтенант Паделу, не опуская бинокля.

Машину Марианны вел Кабраль, надежный и очень опытный полицейский.

– Поднажми! – скомандовала она. – Если Солер собирается проскочить, мы тоже должны успеть!

Майор Огресс расстегнула кобуру и опустила стекло: так будет удобнее стрелять... если придется.

Кабраль и глазом не моргнул.

«Тойота» оттолкнулась от моста, как лыжник от трамплина, и, пролетев над водой метра полтора, приземлилась на набережной.

Лейтенант мог определить дистанцию очень приблизительно, ему показалось, что машина вот-вот перевернется, но она сделала разворот на 180 градусов и застыла.

– Могу представить, каково пришлось этому говнюку! – прошипел Дед. – Доктор Ларошель с ним не чикался, заправский мясник так бы рану не разворотил. От такого удара Тимо наверняка едва не сдох!

Вот именно – едва... В следующую секунду белая «тойота» стартовала в сторону авеню Амираль Шийу, петляя между контейнерами.

– Прямо по курсу! – выкрикнул Дед. – Не зевай, Ж. Б., он будет у тебя на мушке.

Мост поднялся уже на метр, вой сирен бил по ушам, вспышки слепили глаза.

– Не проскочим!

Кабраль резко втопил в пол педаль тормоза, «рено» замер почти у края, и майор Огресс со всей силы ткнулась лицом в ветровое стекло, засыпанное мокрым песком.

Машины Тимо Солера, Ж. Б. и капрала Ленормана исчезли из поля зрения Деда.

– Вы там в порядке?! – крикнул он в рацию и услышал ответ Кабралья:

– Обойдется... Майор пострадала, но не сильно – расквасила нос. Выговор от начальства мне обеспечен, но это все-таки лучше прыжка в воду.

Мост плавно опускался на место, порт оживал на глазах. Из-за контейнеров, как плеймобили из коробки, выбегали люди; русские моряки, собравшись у борта, с интересом наблюдали за происходящим.

– Слышишь меня, Дед? – Голос Ж. Б. из рации заставил лейтенанта вздрогнуть от неожиданности.

– Куда я денусь...

– Мы нашли «тойоту».

– И?

– Пустую, – уточнил Ж. Б. – На авеню 16-й Портовой. Ставим оцепление. Он ранен и пешком далеко не уйдет.

– Твоими бы устами... – с сомнением в голосе произнес Дед.

Он хорошо знал это место. Улица, где Солер бросил машину, огибала квартал де Неж, район на тысячу жителей, странный симбиоз промышленного предместья и неблагополучной городской зоны. Анклав среди портовых сооружений. Изолят.

Тимо Солер не случайно назначил встречу профессору в порту и не просто так бросил машину там, где бросил! Он уже много месяцев скрывался в квартале де Неж, у него здесь есть сообщники, так что поиски могут затянуться на недели.

И никто не поручится, что они загонят хищника раньше, чем того dokonает рана.

11

Маленькая стрелка на 1, большая – на 7

Малон играл на ковре с маленькой бело-голубой ракетой, а Гути наблюдал за ним, сидя на полу у ножки стула. Малон предпочел бы подняться к себе в комнату и послушать рассказ плюшевого друга, но не мог.

Сегодня на это нет времени, сказала ему Мама-да. Они успеют только разогреть спагетти, накрыть на стол, быстро поесть и вернуться в школу.

Малон поднял руку с зажатой в ней ракетой, размышляя, куда бы ее отправить. Пожалуй, на Пуф-Пуф, малую лиловую планету в форме груши. Из кухни доносился громкий голос Па-ди. Он пил кофе и все время повторял одно и то же.

Учительница и Василе. Василе и учительница.

Па-ди злился. За столом он ни разу не посмотрел на Малона, и мальчик знал почему.

Па-ди рассердился из-за того, что он рассказал Василе.

Ну и пусть. Па-ди может кричать, не обращать на него внимания, даже наказать. Ему все равно! Он никогда не поделится тайной с Па-ди, а с Василе будет говорить. Он обещал маме.

Мама-да быстро помыла посуду, поцеловала Малона в лоб и начала собирать тетради и книжки с картинками. Она открыла большой шкаф под лестницей, и тут ее позвал Па-ди: он никак не мог найти свой шарф. Мама-да всегда говорила, что у нее не один ребенок, а два – Малон и Па-ди!

Она пошла искать шарф, Па-ди ждал в кухне перед телевизором, допивал кофе и то и дело кричал, что опаздывает.

Ракета мягко приземлилась на планету Пуф-Пуф, совсем рядом с высокой черной дверью в конце коридора, которую всегда держали закрытой.

В шкафу было почти темно, свет шел только снаружи. На стеллажах стояли альбомы с фотографиями. Открывать их было незачем – Мама-да много раз показывала эти снимки Малону, но он не узнавал себя маленького. Благодаря Гути мальчик помнил кучу вещей, но не себя. Не свое лицо в детстве.

Малон обвел взглядом коробки, составленные под ступенями лестницы, и заметил странную картину, на которой были написаны большие буквы. Он знал не весь алфавит, но свое имя прочесть мог.

М. А. Л. О. Н.

В школьной раздевалке, на стене, висели таблички с именами. На одной из них было написано «Малон».

На гладкой белой бумаге под стеклом было выведено его имя. Но не фломастером. Не краской. И не ручкой.

Малон влез на коробки, взял картину и наклонил так, чтобы на нее падал свет.

Буквы его имени были написаны... животными!

Правда, совсем маленькими.

Муравьями.

Несколько десятков муравьев выстроили рядами, приклеили к бумаге и придавили стеклом. Сделано это было с большой тщательностью и очень аккуратно. Получилось чисто и красиво, но Малон чувствовал печаль из-за того, что всех этих букашек убили. Или имя написали сушеными муравьями?

Кто мог такое придумать?

Уж точно не Па-ди. Он терпеть не мог раскрашивать, вырезать, играть в «Лего». Значит, это Мама-да приготовила для него сюрприз?

Странно... Малон не очень любил муравьев. Особеннодохлых. Ему больше нравилось, когда его имя писали цветными фломастерами или пальцами, вымазанными в краске.

Хлопнула входная дверь: Па-ди ушел, даже не попрощавшись.

– Нам пора, дорогой! – крикнула из своей комнаты Мама-да. – Надевай курточку.

Малон бесшумно покинул шкаф, однако успел увидеть других странных зверей. Тоже мертвых, но покрупнее муравьев.

12

Нос Марианны Огресс украшала повязка, зафиксированная пластырем на щеках.

«Ну и рожа, как у боксерши, – подумала она. – Или у кугуара, посетившего ветеринарную клинику пластической хирургии». Невыносимо чувствовать на себе взгляды пятнадцати мужиков, особенно – по разным причинам – Ж. Б. и Кабраля, но без дебрифинга[11 - Дебрифинг, психологический дебрифинг – одноразовая слабоструктурированная психологическая беседа с человеком, пережившим экстремальную ситуацию или психологическую травму.] не обойтись. Тимо Солер ушел от них, теперь придется задействовать как можно больше людей, даже тех, кто и года не работает, причем у каждого должен быть максимально полный объем информации о довийском ограблении.

Деваться было некуда, и Марианна вышла в центр комнаты. Когда она после удара о стекло посмотрела в зеркало и увидела распухший кровоточащий нос, то чуть не заплакала от жалости к себе. Первая мысль была не о бегстве Тимо Солера, а о том, как долго окружающие будут пугаться ее жуткого вида. Неделю? Месяц? Полгода? «Часики тикают. Обратный отсчет начался, а с такой рожей на тебя ни один стоящий мужик не клюнет и ребенка тебе не сделает...»

Ау, старушка, ты превращаешься в маньячку!

Она взяла себя в руки и вставила флешку в компьютер, одновременно контролируя подчиненных, передававших друг другу папку с делами. Слава богу, нос не сломан – по словам Ларошеля, который «оказал ей первую помощь» прямо в порту, на виду у докеров и моряков, глазевших на майора полиции, как на обнаруженного в контейнере нелегала. Он заверил Марианну, что швы накладывать не требуется, а гематома рассосется через несколько дней. Хотя какая-то польза от светила!

Хирург подъехал к шлюзу через три минуты после исчезновения Тимо Солера, и она спустила на него всех собак: байка о навигаторе, «забывшем» дорогу к порту, не выдерживала никакой критики. Марианна не исключала, что Ларошель задержался сознательно, чтобы позволить преступнику уйти.

Однако Дед, хоть и не питал теплых чувств к профессору, с начальницей не согласился: «Остынь, Марианна. Он назвал точное время и место встречи, Солер на встречу явился, так что мы сами виноваты».

Лейтенант был прав: Ларошель не в ответе за их некомпетентность, а выволочка его скорее развлекла, как и унылые лица толпившихся вокруг сыщиков.

– Ладно, Дед, – буркнула Марианна, – разберемся...

Она понимала, что наезжать на доктора не следует. В конце концов, он уже помог полиции: открытая рана Тимо – его рук дело... Все так, но от этого не легче.

Марианна ворчала всю дорогу до комиссариата.

Сегодня, по вине придурочного лекаря, я упустила преступника, да еще и рожу мне покалечили.

Желание убить.

Я выхватила оружие из кобуры и...

Ей не хватило воображения придумать смешной или странный пост завсегда сайта jelanie-ubit.com. Все они соревновались в находчивости, изобретая «казни египетские» для тех, кто портит им жизнь. Правило идиотского сайта было очень простым: скажите, кого ненавидите, опишите – по возможности в трогательной или патетической форме, – как стали бы его убивать, и получите вердикт жюри подписчиков... Версия 2.0 сайта dermoaia-jizn.com... Способ не хуже и не лучше других, которым пользуются депрессивные слабаки-анонимы, чтобы разрядиться, не переходя к реальным действиям. «Между прочим, в каком-то смысле этот сайт изменил твою жизнь», – напомнила себе Марианна.

Она прогнала посторонние мысли, запустила диапору[12 - Проекционная форма представления изображения, например проецирование карт или программ на большой экран для публичного показа.] и с облегчением заметила, что внимание сотрудников переключилось на план Довиля. Марианна поручила Люке Маруэтту, стажеру, который маялся бездельем в комиссариате, подготовить анимацию на Google Street View[13 - Google Street View (букв. «Просмотр улиц») – функция Google Maps и Google Earth, позволяющая смотреть панорамные виды улиц многих городов мира с высоты около 2,5 м.]. Детская игра для того, кто умеет скачивать базовые приложения. Майор знала, что следователи обожают виртуальные воспроизведения обстоятельств преступления.

– Итак: вторник, 6 января 2015 года, – начала она. – Время 11:12. Погода холодная и ветреная. Улицы Довиля практически пусты. Два мотоциклиста останавливаются на круглой площади в центре города, между улицами Эжена Кола и Люсьена Барьера, в двух шагах от казино. В этот же самый момент по тротуару идет обнявшаяся парочка. Оба очень элегантно одеты. У него на голове шотландская серая фетровая шляпа, ее волосы убраны под шелковый шарф. Ни одна камера наблюдения не зафиксировала лиц.

На видеораме два стилизованных силуэта – синий и красный, без одежды и лиц – шли по торговой улице Довиля мимо дорогих магазинов, иллюстрируя в реальном времени рассказ майора Огресс.

– Мотоциклисты паркуются, парочка разделяется. Он входит в бутик Hermès, она – в Louis Vuitton. Все происходит стремительно. Мотоциклисты, вооруженные ружьями «маверик 88», врываются в два самых крупных ювелирных магазина на улице Эжена Кола – Godechot-Pauliet и Blot. Мужчина в шотландской шляпе

выхватывает «беретту 92» и наводит на двух продавщиц в Hermès. Женщина делает то же самое в Louis Vuitton. За две минуты они набивают четыре сумки. Точно знают, чего хотят, берут только то, что легко унести. Часы, драгоценности, шелковые платки, ремни, бумажники, сумки, очки... Несколько редких, коллекционных вещей. Их действия точны, рассчитаны по минутам. Все четверо одновременно выходят на улицу Эжена Кола, мотоциклисты отдают сумки женщине. К этому моменту уже объявлена полицейская тревога. Комиссариат находится на той же улице, в семистах метрах. Любой вышедший покурить сотрудник может увидеть мотоциклистов.

На экране мелькают нормандские фахверковые дома – кажется, будто оператор снимал их камерой с плеча; потом в кадре появляются четверо виртуальных преступников. Марианна продолжает:

– Опусти комментарии прессы касательно дерзости налетчиков и их легкомыслия. Будем придерживаться фактов. Да, налет был идеально подготовлен. Мотоциклисты быстро едут по улице Эжена Кола в сторону комиссариата, но за двести пятьдесят метров, у площади Морни, резко сворачивают. Это отвлекающий маневр: они хотят вынудить полицейских погнаться за ними, пока сообщники смываются с добычей. Теоретически мотоциклы Munch Mammut 2000 легко могут уйти от полицейских машин.

– Не только теоретически, – хохотнул один из сотрудников.

– Мы друг друга поняли, – поморщилась Марианна. – Это обстоятельство подтверждает, что план ограбления был разработан в мельчайших деталях. Они не профессионалы, значит, готовились долго: разведывали место, уточняли, репетировали. Но им не повезло.

На экране появилось изображение ипподрома Ля Тук[14 - Расположенный в центре Довиля ипподром был открыт в 1863 г. и получил название в честь протекающей здесь реки Тук.] в окружении богатых вилл.

– В этот самый момент мимо, по бульвару Може, ехал полицейский патруль. Коллеги решили перехватить преступников. Думаю, продолжение вам известно.

Ряд домов в 3D-изображении сменился фотографиями крупных планов. Кровь на тротуаре. Шлем в придорожной канаве.

– Первым выстрелил мотоциклист. Полицейские ответили, попали во второго, тот упал, мотоцикл опрокинулся на него, шлем ударился об асфальт, и забрало треснуло. Свалившись, он исчез с линии огня – его защищали фонарный столб и мусорный бак. Первый мотоциклист продолжал стрелять из-за стоящих у обочины машин, второй снял изуродованный шлем, и две камеры – у ипподрома и отеля «Кот Флёри» – зафиксировали его лицо.

На стене появилось размытое изображение Тимо Солера. Красавчик, глаза добрые, но взгляд дерзкий.

– Стрельба продолжалась всего восемнадцать секунд, но больше никто не был ранен. Мотоциклисты разворачиваются и направляются к стадиону. Катят вдоль железнодорожных путей – недолго, съезжают с дороги, минуют ипподром Ля Тук и скрываются в роще, ведущей к Пон-л'Эвек. Преследовать их нет никакой возможности. План «Перехват» результата не дал. Они бесследно исчезли... – Майор сделала паузу, на мгновение опустила глаза и закончила: – Пока сегодня, во второй половине дня, не появился Тимо Солер.

Кликнув мышкой, Марианна вернула изображение центра Довиля и двух силуэтов – синего и красного.

– Отвлекающий маневр сработал лишь частично. Как только мужчина в шотландской шляпе покинул бутик Hermès, директор магазина Флоранс Лагард не только нажала на тревожную кнопку, но и выскочила на тротуар улицы Эжена Кола, держа возле уха мобильный телефон. Замечу, что это было крайне неразумно. Через пять секунд она связалась с лейтенантом Галуа из комиссариата Довиля и рассказала, что налетчики разделились на группы и два беглеца идут в противоположном направлении. Остальные события заняли две минуты. Мужчина с револьвером выходит на улицу Люсьена Барьера, он то и дело оборачивается, женщина с четырьмя сумками бежит к пляжу. Их стратегия вроде бы совершенно ясна: она должна спрятать добычу, он ее прикрывает, чтобы никто из коммерсантов не вздумал проявить героизм. Когда мужчина оказывается у Дворца конгрессов, женщина уже идет по улице де ла Мер и поворачивает налево, к набережной Планш[15 - Букв.: «Театральные подмостки», знаменитая набережная в Довиле, покрытая дощатым настилом длиной почти в 2 км.]. Камера видеонаблюдения казино зафиксировала ее в 11:17. Минуту спустя та же камера снова сняла преступницу, бегущую обратно. Уже без сумок!

Майор замолчала, как будто хотела дать своим людям прочувствовать всю важность этой детали. Внезапное исчезновение сумок с награбленным имело огромное значение.

– В тот же момент мужчину в шотландской шляпе берут в клещи два полицейских в пешеходной зоне улицы Люсьена Барьера. Думаю, все знают, что случилось потом. Женщина зовет сообщника. Он бежит к ней. Первая пуля попадает ему в ногу, он стреляет в ответ и ранит капрала Делатра в коленную чашечку, бедолага будет хромать всю оставшуюся жизнь. По берегу моря гуляют туристы, в основном бабушки-дедушки с внуками. На улице де ла Мер преступники попадают под перекрестный огонь двух патрулей. Они петляют между машинами, палят не целясь, ранят – слава богу, легко! – Савинье в плечо, пытаются перебежать улицу к водолечебнице, оказываются на открытом месте и падают, сраженные пулями полицейских. Занавес...

Клик мышкой. Две фотографии – мужчина и женщина.

– Сирил и Илона Люковик. Бонни и Клайд нашего эстуария. Сирил – местный уроженец, у него богатое прошлое: в пятнадцать лет начал торговать наркотиками, потом переквалифицировался, стал грабить богатые дачи в Ож[16 - Название области в Нормандии.], за четыре года трижды попадал в тюрьму, в общей сложности отсидел двадцать шесть месяцев. С женой Илоной, в девичестве Адамяк, познакомился в юности в Потиньи. Деревня, где они росли, находится в двадцати километрах к югу от Кана[17 - Город и коммуна на северо-западе Франции, столица региона Нижняя Нормандия и префектура департамента Кальвадос.]. Уже в коллеже оба приторговывали наркотой, Илона – милая девочка, ни у кого не вызывавшая подозрений, – была наводчицей во время ограблений.

Марианна приблизила лица застреленных грабителей.

– Идеальные подозреваемые – казалось бы... Заковыка в том, что последние несколько лет парочка вела себя образцово-показательно! Они поженились в 1997-м. Сирил получил место докера в нашем порту, потом нанимался в разные порты по всему миру. Илона с ним не расставалась. В конце 2013-го вернулись в Гавр, где Сирил работал от случая к случаю, что, очевидно, и спровоцировало рецидив...

Молодые улыбающиеся лица супругов наводили на мысль о свадебных фотографиях или снимках с праздничной вечеринки. Не хватало только музыкального фона – скрипок Элтона Джона или голоса Адели, чтобы представить следующие кадры: малыши Илона и Сирил на руках у родителей, в коляске, на велосипеде, в костюмах джедая и принцессы Леи, в свадебных нарядах под рисовым дождем, в купальных костюмах на довийском пляже.

Очередной клик мышкой.

Новый снимок. Два трупа на мостовой напротив набережной Планш в кольце зевак.

– В досье есть подробные биографические данные обоих, изучите их потом. Расследование должно ответить на три вопроса.

Буквы на экране сложились в слова, потом во фразу. «Ничего не скажешь, стажер – классный программист, – подумала Марианна. – Посмотрим, как он будет работать “на земле”».

Скоро она это выяснит...

Майор Огресс кашлянула и произнесла вслух то, что остальные уже прочли глазами.

Где спрятано награбленное?

– Если верить показаниям пострадавших, ущерб составил около двух миллионов евро: полтора миллиона – драгоценности и часы, триста тысяч – кожгалантерея. Остальное – роскошные шмотки, очки и духи. Даже если доблестные торговцы слегка преувеличили – для страховщиков, – добыча все равно знатная. И реализовать ее на международном черном рынке будет проще простого. Нас интересует не стоимость товара, а то, как удалось спрятать четыре сумки. У Илоны Люковик была на это всего минута, ее не заметил ни один свидетель – ни турист на пляже, ни портье, ни водитель у казино. Десятки наших людей обыскали каждый дом, проверили номера во всех отелях на берегу моря. Ничего! Никаких следов! Оставалась одна очевидная возможность, идеальное укрытие: пляжные кабинки. Выводить их на экран не имеет смысла, всем хорошо известна

фирменная картинка довильских пляжей. Четыреста кабинок. Каждая названа в честь голливудской звезды, все принадлежат богатейшим парижанам, пожелавшим сохранить инкогнито. На первой стадии расследования выбора у нас не было, пришлось открывать и обыскивать все. – Марианна закатила глаза, давая понять, что работенка была еще та. – У наших коллег из Довиля ушло на это пять недель, но они довели дело до конца, хотя мэрия требовала предъявить ордер на каждую чертову будку с висячим замком! Титаническая дипломатическая миссия! – Майор резко повысила голос: – И все впустую! Никаких следов товара стоимостью два миллиона евро!

Она сделала несколько шагов по кабинету. Тридцать подчиненных слушали своего шефа, как перепуганные ученики строгую учительницу. Ни одному не пришло в голову достать планшет или мобильник.

– Будем рассуждать иначе. Зададимся вопросом, почему Люковики так странно себя вели. Как они собирались скрыться, если бы отвлекающий маневр сработал? Если бы полицейские не засекли их на набережной Планш? Если бы лица обоих не попали в объектив камер? Довиль – не Париж, не Антверпен и не Милан. Как только поступил первый сигнал тревоги, выезды из города были перекрыты, проверялась каждая машина, все водители и пассажиры. Конечно, Сирил и Илона могли бы остаться в Довиле и ждать, когда все успокоится, но мы проверили дома, квартиры, номера отелей и ничего не нашли. Первый наш вопрос остается без ответа...

Клик.

Вопрос номер два.

Где прячется Тимо Солер?

Марианна коснулась марлевой повязки на носу.

– После шестого января мы наверняка знаем одно: Солер ранен. Довольно тяжело, если верить баллистикам. Не стоит забывать и о том, что на него упал мотоцикл. Все клиники и больницы были предупреждены. Мы не сомневались, что если Тимо не околел в какой-нибудь норе, если его не добил сообщник, он всплывет на поверхность, как упрямый мальчишка, которого боль заставляет-

таки принять горькое лекарство. Я говорю «мы», имея в виду все комиссариаты от Кана до Руана!

Она улыбнулась и тут же поморщилась от боли.

– Удача, если это можно так назвать, свалилась именно на нас. Солер скрывался в Гавре. Думаю, все понимают, что после сегодняшнего провала мы станем посмешищем для всех коллег. Нужно найти Тимо как можно быстрее... Десять человек будут патрулировать в квартале де Неж – днем и ночью...

Так, предпоследний слайд.

Слава богу, пора заканчивать. И говорила-то всего двадцать минут, а совершенно выдохлась. Как только преподаватели выдерживают по восемь часов в день?..

Кто четвертый налетчик?

Она снова откашлялась.

– Мотоциклист, работавший на пару с Тимо, ни разу не снял шлем, так что у нас есть только подозрения. Правда, серьезные.

Последний клик.

Фотография. Мужчина лет сорока с резкими чертами лица. Густые брови и щетина над верхней губой, тонкий прямой нос; светло-зеленые, почти прозрачные глаза, как у змеи или кота абиссинской породы. Еще две запоминающиеся детали: тяжелая серебряная серьга-полумесяц в мочке левого уха и маленькая татуировка в виде черепа у основания шеи.

– Алексис Зерда. Друг детства Сирила, Илоны и Тимо. Все четверо росли в Потиньи. Учились в одном классе. Ходили играть в один и тот же парк развлечений, ездили вместе в летний лагерь, отирались на автобусной остановке. Зерда – самый опасный из друзей. Сидел только по малолетке, но замешан в нескольких убийствах. Считается, что в 2001 году, во время ограбления отделения Парижского национального банка в Ферте-Бернар,

именно он открыл стрельбу по жандармскому патрулю, убив молодого, недавно женившегося сотрудника и отца семейства. Две вдовы, трое сирот. Через два года ситуация повторилась во время нападения на инкассаторов, приехавших за выручкой в магазин «Перекресток» в Эрувиле. В 5:30 утра охранник и приходящая уборщица застрелены в голову. Доказательств – ноль, ни отпечатков, ни свидетелей. Но следователи считают, что это дело рук Зерды. Я уверена, что мозгом довийского ограбления был именно он, – назовите это интуицией, если хотите. Зерда мотается между Гавром и Парижем, и мы за ним скрытно наблюдаем. Прижать эту сволочь нечем – разве что следить днем и ночью, чтобы он не рискнул надеть один из шарфиков, взятых в Hermès, похвастаться часами фирмы Breitling на запястье или чемоданом от Vuitton...

Нос у Марианны дико чесался, и она строго приказала себе не теревить повязку на глазах у изумленной публики.

– Вот так-то, ребяташки! Уравнение с тремя неизвестными. Вся полиция Нормандии рассчитывает, что мы вычислим хотя бы одно.

Ж. Б. заплодировал. Вот ведь болван! Другие его поддержали. И эти туда же! Они хотели выразить шефу симпатию и уважение, поддержать Марианну после провала в порту. Но она восприняла это иначе, чувствуя себя толстой красномордой индюшкой с расплюснутым носом, которая к тому же – вишенка на торте! – думает сейчас не о побеге Тимо Солера, а о рисунках маленького мальчика, странном рассказе обаятельного психолога и – главное – о том, что накопает в Манеглизе стажер-вундеркинд Люка Маруэтт...

Василе въехал на стоянку у мэрии Манеглиза, встал у решетки школьного двора, но слезать с мотоцикла не стал. Он хотел дождаться, когда уйдет последний родитель, и только после этого постучать в дверь класса Клотильды.

Регулировщица в желтом флуоресцирующем жилете, стоявшая у «зебры», бросила на него подозрительный взгляд. На руке у женщины висел жезл в форме огромного красно-зеленого леденца на палочке, все ее внимание было сконцентрировано на воротах: вдруг какой-нибудь опоздавший малыш, забыв об

осторожности, выбежит на дорогу и – не дай бог! – попадет под машину?!

Василе вздрогнул, почувствовав за спиной чье-то присутствие.

Клотильда.

Лицо не сказать чтобы приветливое.

Решила перехватить инициативу... Она открыла было рот, но ничего не сказала, заметив мамашу, катившую коляску, за которую держались двое ребятишек. Школьный психолог воспользовался минутной отсрочкой, не торопясь снял шлем и перчатки. Клотильда кинулась в атаку, только когда женщина отошла метров на десять:

– Закрываем лавочку, Василе! В полдень я встречалась с родителями Мулена, и у меня не осталось сомнений: Малон их сын. Они очень его любят. Думаю, вопрос решен.

Василе аккуратно уложил перчатки внутрь шлема и, не скрывая раздражения, поинтересовался:

– Бросаешь меня, Клотильда? В чем дело? Боишься получить «красную карточку» от мэрии? Тебя пугает родительское лобби? Опасаешься, что жители сплотятся и сколотят коалицию против школы? «Руки прочь от Манеглиза!» – так, что ли? – Василе взглянул на регулировщицу и понизил голос: – Черт возьми, Клотильда, ты ведь знаешь, что именно так, перекладывая свои обязанности на другого, мы совершаем худшие проступки – чтобы не сказать преступления...

Василе замолчал. За ними через решетку наблюдали два мальчика. Один из них, Марен, был тяжелым дислексиком, и отчаявшиеся родители надолго оставляли его на продленке, чтобы не мучиться каждый вечер с домашними заданиями. Клотильда разозлилась – она стояла спиной к решетке и не видела ребят.

– Намекаешь на побои, инцест и другие ужасы? «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу...» – в этом ты меня обвиняешь?

– Идите играть на тот конец двора, мальчики, – велел Василе.

Клотильда не слышала. Или притворилась, что не слышит.

– Не смей меня шантажировать, Василе! И не передергивай. В самом начале ты утверждал, что никакой угрозы для ребенка со стороны родителей нет. Так? Из этого я и исходила. Если ты сейчас скажешь, что изменил оценку и у тебя появилось хоть малейшее подозрение, я положусь на мнение специалиста, не стану медлить, и мы вместе рванем в жандармерию писать заявление. Но весь этот бред насчет двойной жизни, людоедов и ракеты не лезет ни в какие ворота...

Василе резко взмахнул рукой, отгоняя любопытных мальчишек. На этот раз они подчинились и, громко хохоча, убежали под крытую галерею.

– Нет нужды мчаться в жандармерию, Клотильда.

Молодая директриса жестом театрального отчаяния схватилась за голову:

– То есть?

– Больше нет нужды, если быть точным...

– Черт, что ты сделал?!

На сей раз регулировщица услышала и только что не подпрыгнула на месте, махнув жезлом в сторону улицы, хотя никто не собирался переходить на другую сторону. Платила ей мэрия, она стояла на посту четыре раза в неделю по тридцать минут в день – утром, в полдень и вечером, но любила задержаться, чтобы посудачить с мамашами. Социальные связи. Тесное общение.

Василе чуть подтолкнул Клотильду в спину ладонью, чтобы увести ее поближе к зданию мэрии.

– Ничего официального, клянусь. Просто решил прояснить два-три странных момента. Это необычное дело, и я не могу следовать стандартной процедуре, составлять досье, отсылать малыша на тестирование в медицинский психопедагогический центр. Здесь есть что-то еще. Я чувствую...

– Папаша Мулен убьет тебя, если узнает. Господи боже ты мой! Говорить с полицией через голову школьного врача и специалистов из академии... Если тебя не разорвет в клочки Мулен, то распнет инспекция!

Старшеклассники вернулись в здание. Вереница машин рассосалась, и на маленькой площади снова стало тихо. Дама с жезлом наверняка легко разбирала каждое произнесенное ими слово. Клотильда четко артикулировала – на случай, если свидетельница умеет читать по губам.

– Я запрещаю тебе подходить к Малону Мулену.

– Шутишь?

– Нет.

– Чего ты боишься?

– Хаоса, который ты можешь внести в окружающее пространство и жизнь этого ребенка.

Василе схватил Клотильду за плечи. Она была хрупкой, изящной от макушки до маленьких ножек. Глаза испуганно смотрели из-за стекол круглых очков в стильной золотистой оправе.

– Ты не имеешь никакого права запрещать мне видеться с Малоном! В этом секторе я – единственный судья. Мне решать, что отвечает интересам ребенка, а что нет. Перед первым сеансом родители подписали согласие. Хочешь закрыть для меня двери школы – проинформируй академию и объясни, чем ты недовольна.

Молодой отец в сером костюме вышел во двор, ведя за руку девочку лет восьми, которая что-то ему рассказывала. Отец глаз не мог оторвать от любимого чада. Регулировщица заняла пост в центре «зебры», и они пошли через улицу; девчушка продолжала весело щебетать.

– Но, возможно, не в твоих интересах выносить сор из избы? Ты же не хочешь, чтобы мэр разозлился и урезал бюджет на ластик и карандаши, а родители

учеников отказались участвовать в благотворительной ярмарке?

– Какой же ты мерзавец, Василе!

– Я просто хочу защитить мальчика.

– А я – всю семью.

Василе шагнул к своему мотоциклу, улыбнулся, кивнул регулировщице, она помахала в ответ.

– Я приеду в четверг утром, и наша встреча с Малоном состоится.

– Что будет, если родители воспротивятся? Не захотят, чтобы ты разговаривал с их сыном?

– А ты не подсказывай, что у них есть на это право. Мы все время так делаем, Клотильда, особенно в тех случаях, когда взрослые не желают признать, что у ребенка проблемы. Ты... ты же не посоветовала Муленам прервать мои сеансы с Малоном?

Она бросила на него презрительный взгляд.

– Нет, Василе, я ни слова не сказала этим людям, но прислушайся к моему совету: назначь встречу с матерью. Это важно, она должна знать, что происходит с ее мальчиком. – Клотильда улыбнулась: – А вот свидания с отцом лучше избегать...

14

Сегодня мы с моим любимым вместе приняли ванну, а потом он сказал, что у меня толстая задница.

Желание убить

Полезная информация, девчонки: брошенный в воду фен – действенное оружие!

Не нравится: 231

Нравится: 336

www.jelanie-ubit.com

Марианна ненавидела зал фитнес-клуба «Амазония». Все здесь до ужаса ее раздражало. Каждая деталь.

Кричащий цвет ковров и стен, запах пота, посетители обоих полов в обтягивающих шортах и легинсах, стоимость абонемента, фальшивое радушие сотрудников, насмешливые улыбочки молодняка в раздевалке, тренажеры, напоминающие пыточные механизмы в Музее инквизиции.

Пытка. Точное слово!

Марианна терпеть не могла беговую дорожку, велосипед, на котором нельзя уехать, и «греблю посуху».

Она пыталась держать ритм. На экране горели цифры: 7, 5 км/ч. Тренер все время твердит: не опускаться ниже 7...

Восемнадцать месяцев! Она дала себе полтора года на то, чтобы сбросить вес, укрепить сухожилия и лигаменты, которые держат в равновесии грудь, сделать более упругими ягодицы. Удачи тебе, мышечная система, продержись еще чуть-чуть, пока какой-нибудь мужик не западет на упругие сиськи и не возьмет на себя ежевечернюю заботу о них.

Через полтора года она все пошлет к черту! Спорт. Режим. Правильное питание. Даже курить снова начнет. И если судьба, Боженька на небесах или стая аистов наплюют на титанические усилия майора Огресс и не устроят ей встречу с отцом будущего ребенка, пусть потом не читают нравоучений!

Еще десять минут на коврике – и она вознаградит себя за мужество: примет горячий душ, как грешница в аду, которую черти варят в котле, а потом пойдет в сауну. Клубный абонемент, включающий спа-процедуры, стоит аж семьдесят три евро в месяц. За эту цену они могли бы подливать в воду шампанское Moët & Chandon.

Марианна лежала голая на полотенце и потела, потела. Она это обожала. Особенно когда оказывалась в сауне одна, как сегодня.

Она протерла экран своего айфона краешком полотенца и проверила почту.

Никаких новостей о Тимо Солере. Вообще-то она их и не ждала. Слишком рано. Он оставался неуловимым десять месяцев и, похоже, все это время прятался в квартале де Неж, который они прочесали вдоль и поперек. Вывод напрашивался сам собой: у него есть сообщник, а возможно, и не один.

Тимо вернулся в нору и вылезет оттуда, только если почувствует, что поддыхает.

Новое сообщение.

lucas.marouette@yahoo.fr

Марианна улыбнулась, провела пальцем по запотевшему экрану.

Смайлик в кепочке гонится за собратом в капюшоне. Никакого сопроводительного текста, только прикрепленный файл.

Она вздохнула, нажала на иконку документа, присланного офицером-стажером. Во второй половине дня он отправился по ее заданию в Манеглиз, чтобы аккуратно навести справки об Аманде и Димитри Мулен. Марианна решила испытать этого сверхталантливого программиста в деле, априори куда менее опасном, чем гонка преследования в гавани Франциска I.

Люка Маруэтт сумел произвести на нее впечатление, написав целый роман. Он в ладах не только с компьютером, буквы и слова ему тоже подвластны.

Марианна провела ладонью по вспотевшей груди и вернулась мыслями к Василе Драгонману. В этой влажно-душной сосновой будке она чувствовала себя одалиской, одной из девушек с аппетитными округлостями, обитательниц султанских гаремов. Они живут во дворцах, нежатся в роскошных хаммамах, ходят в хиджабах на голое тело, прогуливая свои жирные животы и большие сиськи, объедаются лукумом и безостановочно рожают принцев, пополняя великую армию Османской империи.

Марианна коснулась ладонью живота, почувствовала, какой нежной стала надышавшаяся паром кожа, подумала: «Не такая уж ты и толстая...» – и открыла текст.

Отчет от 3 ноября 2015 г.

(офицер-стажер Люка Маруэтт)

Расследование основано на показаниях соседей Аманды,

Димитри и Малона Мулен, проживающих в Манеглизе, бульвар Мориса Равеля, 5.

Данность первая, шеф: Малон Мулен родился 29 апреля 2012 г. в клинике «Эстюэр». Это точно!

Вес: 3,450 кг.

Вы будете мной гордиться, я сумел снять на телефон справку из роддома и две крошечные бледно-голубые пинетки, зашнурованные сердечком. Показала их Девот Дюмонтель. Ее дом – № 9 по скверу Равеля – стоит напротив дома Муленов. Думаете, было просто? Черта с два! Я совершил подвиг, выпив мерзкий кофе, который дама разогрела в ковшике из ржавой «нержавейки» и трясущейся рукой перелила в стакан из жаростойкого стекла. При этом она горделиво улыбалась, словно на плитке стояла дорогушая медная турка, а передо мной – изящная хрустальная чашечка. Потом я, естественно, попросился в туалет – надо

же человеку помыть руки! – но от описания этого места воздержусь, пощажу ваши нервы! Страдал я не напрасно: милая старушка устроила в клозете зал своей трудовой славы, развесив по стенам копии свидетельств о рождении Малона Мулена, собственных детей и внуков, которые вряд ли часто ее навещают. Иначе давно подарили бы бабушке настоящую кофеварку, верно?

Ладно, продолжаю. Трогательными воспоминаниями в исполнении Девот Дюмонтель я не ограничился и получил подтверждение от лечебного заведения. Сомнений быть не может, Малон Мулен – сын своих родителей! Я встретился с педиатром, наблюдавшим малыша в первые два года жизни. Доктор Пило-Канон худа, как стручок фасоли, а стены ее кабинета украшены фотографиями овощей, фруктов и всяких растений. По ее словам, Мулены – самая что ни на есть обычная, нормальная семья. Мать очень нежна с сыном, опекает его – может, чуточку слишком, но все-таки в пределах разумного. Отец ворчун и несколько груб. Не сюсюкает, хотя на медицинские осмотры регулярно приходит вместе с женой и сыном. Тип из тех, который лучше этажерку скототит, чем книгу ребенку почитает; может посадить и поливать овощи, рекомендованные мадам Пило-Канон, а вот кормить супом и стирать липкий слюнявчик не захочет. В медицинской карте Малона много записей – рост, вес, прививки. На третьем году жизни мальчик попал к другому врачу, Сержу Лакорну из Монтивилье. Я до него дозвонился. Ничего необычного: четыре или пять визитов, профилактические осмотры, простуда, желудочный грипп. Если верить Лакорну, Малон – вполне здоровый ребенок.

Идем дальше, шеф? Вы успеваете? Теперь о соседях. Мулены живут в Верхнем Манеглизе уже четыре года. Дом купили через четыре месяца после того, как Аманда Мулен узнала о своей беременности. Раньше у них была квартира в Кокриовиле. Я целый час проводил рекогносцировку – в разгар дня! – и не увидел ни одной кошачьей души, можете себе такое представить?! Зато собак полно, в основном немецкие овчарки, надрывающие глотки за изгородью из двухметровых кипарисов. Чистый концлагерь! Ладно, ладно, я слегка преувеличил, старушка Девот – нежное существо. Перед самым уходом я встретил одного типа, он возвращался со смены. Парень всю ночь грузил поддоны на складе в промышленной зоне Фекана и был рад поболтать. Они с женой хорошо знают Муленов, оказывают друг другу услуги. Оба часто видели, как Аманда гуляла с сыном в коляске, а когда мальчик подрос – на велосипеде. Аманда раз в год берет на себя заботу об индюшках мадам Дюмонтель, когда та ездит навестить детей в Вандею.

Извините, шеф, я не допросил ближайшее окружение Муленов, друзей, кузенов, коллег... Вы приказали проявить осторожность, и я, так сказать, скользил по поверхности, не педалировал, вопросы задавал якобы между делом, чтобы сравнить полученную информацию с нашими данными. Расследование моральной стороны, если хотите. Аманду Мулен в деревне хорошо знают, в детстве она жила здесь с родителями, смылась, когда подросла, вернулась годы спустя. Блудная дочь...

Учительница Аманды – она уже на пенсии – хорошо помнит «девочку». Не слишком умная, не хитрюга, но очень целеустремленная. Настоящий боец! Никому не позволяла помыкать собой. Покупатели магазина, где она работает кассиршей, отзываются о ней хорошо. Пунктуальная. Любезная. Общительная. «Респонденты» у меня были возрастные, так что в их устах это комплимент.

Попробую угадать ход ваших мыслей, шеф. Вы можете решить, что жизнь Муленов в Манеглизе напоминает историю героев «Маленького домика в прерии»[18 - Популярная серия детских книг американской писательницы Лоры Инглз Уайлдер.], где Кэролайн Инглз увольняет противную и высокомерную сплетницу Харриет Олсон из бакалейной лавки. Все не так просто. Есть любопытные детали насчет мужа Аманды. Папаша Мулен – профессиональный электрик, но не первый год занимается то тем, то этим, часто подолгу сидит без работы. В общем, перебивается случайными заработками. А теперь сюрприз – лично для вас: Димитри есть в нашей базе! Чтобы быть точным – в Национальном досье криминалистического учета. Одиннадцать лет назад проходил по делу об угоне машин в Парижском районе. С Амандой они тогда знакомы не были. Сидел три месяца в Буа-д'Арси[19 - Мужская тюрьма Ивелина в Буа-д'Арси, открыта в 1980 г.], впечатлился, чист с 2003 года. Хотите, чтобы я копнул глубже?

Вы дали мне ключевые слова и велели обмозговать их.

Ракета. Замок. Пиратский корабль. Лес. Людоед.

Держитесь за воздух, шеф! С момента рождения Малона ни одна ракета не стартовала из эстуария! Больше того – за четыре последних года ни один пиратский корабль не совершил набега на гаврский порт. Что касается

людоедов, тут действует omerta[20 - Омерта – «кодекс чести» у мафии.], люди запуганы. Ха-ха-ха!

Не хочу вас обидеть, шеф, но скажите честно – это был розыгрыш?

И еще одно важное свидетельство от Девот Дюмонтель. Мулены за эти три года не отсутствовали в Манеглизе дольше недели. В последний раз они ездили в Кароль – это рядом с Гранвилем. Летом, когда Малону исполнилось два. Бабулька получала от них открытки. Еще она вспомнила чью-то свадьбу в Мансе и путешествие в Бретань на рождественских каникулах.

Ну вот и все, шеф! Я сделал что смог, действовал осторожно, но за результат не поручусь... Сами знаете, в таких маленьких деревеньках люди не любят, когда чужаки суют нос в их дела. Жду приказаний, готов к новым приключениям. Будет продолжение розыгрыша? Может, мне заняться летающими тарелками, марсианами и армиями кровожадных троллей?

А если серьезно – идти вглубь или замести следы?

Марианна улыбнулась – парень неплохо справился! – и набрала короткий ответ:

Продолжай!

Дверь сауны открылась, вошли две тоненькие блондинки в розовых полотенцах, которые они тут же скинули. Их тела покрывал ровный загар, даже от стрингов следа не было, ногти на руках и ногах накрашены, маленькие попки, крохотные грудки. Но Марианну добила не их презрительные взгляды – так смотрят на старый дом, уродующий пейзаж, – а то, что они говорили.

О мужчинах.

Все, как на подбор, мерзавцы, бездельники, сексуальные маньяки. Каждого нужно держать на поводке. Мужа. Любовника. Шефа.

Марианна вышла из парилки, приняла ледяной душ и не вытираясь схватила телефон. Профессиональный тик.

Никаких известий от Ж. Б. или Деда. Тимо Солер проведет ночь в аду...

19:23.

Час до встречи с Энджи в «Уно». Им есть о чем поговорить... И не последней темой станет румын-психолог с глазами цвета сиенской терракоты.

15

Маленькая стрелка на 8, большая – на 7

Малон старался не заснуть, но глаза не слушались – закрывались сами собой. Ласки Мама-да убаюкивали его. Он любил, когда она щекотала ему спину и целовала в шею, ему нравился вкусный запах ее духов.

И все-таки Малон хотел, чтобы Мама-да ушла.

Пока она в комнате, Гути придется молчать, а сегодня день войны! Малон успел выслушать плюшевого друга, тот передал ему все слова Клотильды, Мама-да и Па-ди, но он ничего не понял. Все говорили то слишком громко, то слишком тихо и – главное – слишком много.

Ну и ладно, ему все равно больше нравятся «истории на сон грядущий».

– А теперь спи, дорогой.

Аманда подоткнула одеяло, поцеловала Малона в лоб и погасила верхний свет, оставив только ночник, отбрасывающий на стены и потолок тени звезд и облачков.

– Спокойной ночи, милый. – Она немножко помолчала и добавила: – Ты ведь знаешь, папа тебя любит. Он иногда ужасно кричит, но это ничего... Папа очень хочет, чтобы ты тоже его любил. Так же сильно, как меня.

Малон не стал отвечать, и дверь наконец закрылась.

Он ждал – долго. Смотрел во все глаза на зеленые стрелки космонавтского будильника, а чтобы не заснуть, время от времени переводил взгляд на маленький календарь, висящий рядом со шкафом. Каждый день был отмечен планетой, маленькая ракета на магните служила указателем. Сегодня красно-белый воздушный корабль был нацелен на Марс. Просыпаясь по утрам, Малон сразу переставлял магнитик. С Луны – на Красную планету.

МАРС.

День войны.

Он знал наизусть планеты и дни недели. Все.

Он помнил наизусть истории Гути. По одной на день.

В доме было тихо.

Сердце Гути снова забилося. Малон нырнул под одеяло с головой и в полной тишине и темноте стал слушать историю.

Он должен был делать это каждый вечер, а потом читать молитву против людоедов. Он обещал маме. Прежней маме.

* * *

В одном большом-большом лесу стоял большой замок, построенный из самых толстых деревьев, срубленных в этом лесу.

Четыре высокие башни замка были видны издалека, а жили там рыцари.

В те времена каждый рыцарь получал имя по дню недели, в который родился, каждый день носил название качества характера, и все в этот день должны были его проявлять.

Не слишком понятно?

Ладно, приведу пример. Рыцарей, родившихся в день Сен-Жюст, звали Жюст, то есть Справедливый. Тех, кто появился на свет в день Сен-Куртуа, звали Куртуа, учтивый. А еще были Фидель – Верный, Эмабль – Любезный, Констан – Стойкий, Модест – Скромный, Клеман – Милосердный, Проспер – Процветающий, Прюдан – Благоразумный... В день именин Эмабля все жители должны были проявлять любезность. Видишь, на самом деле все просто!

Но ты должен знать еще кое-что. Были и другие дни – те, что соответствовали недостаткам, и люди могли целые сутки быть... ну, не совсем правильными.

Некоторых невезучих рыцарей звали Гурман, или Кюрьё – Любопытный, или Фарсёр – Шут, а того, о ком мы поведем речь, – Простак. Другие носили у пояса шпагу, он – флейту. У всех латы были из железа, а у него – из цветочных лепестков. Шлем он себе сделал из перьев, а щит – из толстой книги, с которой никогда не расставался. Самые смелые из рыцарей – Арди – Храбрец, Прё – Герой, Вайян – Молодец – могли насмеяться над ним лишь в тот день, когда родился рыцарь Мокёр – Насмешник.

Жизнь в замке шла по строгим правилам. Никто не знал почему, вернее, не решался спросить, ведь сделать это можно было только в день рождения рыцаря Франа – Честного. Сегодня у нас другой день. Итак, два простых и четких правила.

Никто не должен уходить далеко от замка.

Никто не должен покидать замок ночью.

Однажды, в день рождения рыцаря по имени Женерё – Благородный, Простак решил поискать подарок для братьев-рыцарей. Погода была чудесная, и он надумал собрать самый большой и прекрасный букет цветов на свете.

Знаю-знаю, о чем ты подумал! Рыцарь Простак сорвет один цветочек, другой, третий и – вуаля! – уйдет далеко от замка, и с ним случится беда. А вот и нет! Это ведь не история о рыцаре Энпрюдане – Бесшабашном...

Ну так вот, собирал Простак цветы, собирал и все время оглядывался на башни замка. Он встретил стрекозу и поиграл ей на флейте, поздоровался с птичкой и подарил ей перо из своего шлема для гнезда, а зайчику рассказал историю из любимой толстой книги. Увидев порхающую бабочку, преподнес ей несколько лепестков.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

KLM – «Королевская авиационная компания», национальная компания Нидерландов, основанная в 1919 г. С 2004 г. – собственность Air France. – Здесь и далее примеч. перев.

2

У древних римлян и северогерманских племен этот день был посвящен Луне. Отсюда слово lundī – понедельник.

3

Френе, Селестен (1896–1966) – французский педагог, разработал методы обучения, основанные на свободном выражении и работе в группах. Пьяже, Жан (1896–1980) – швейцарский психолог, изучал усвоение детьми речи и логики. Монтессори, Мария (1870–1952) – итальянский врач и педагог, создательница детских садов.

4

Эстуарий – однорукавное, воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря.

5

Утро? – небольшой городок на севере Франции. В ноябре 2001 года «дело о педофилах из Утро» потрясло всю страну. Власти сообщили, что им удалось обезвредить группу из 18 горожан, систематически занимавшихся соvrращением несовершеннолетних. Главной уликой стали свидетельства детей арестованных. Показания были сняты при посредничестве детских психиатров, напуганные и дезориентированные дети отвечали утвердительно на все вопросы. Но подследственные настаивали на своей невинности, призналась только одна обвиняемая, еще один человек повесился в камере. Два судебных процесса в 2004–2005 гг. доказали полную несостоятельность версии обвинения. 13 человек из 17 оставшихся в живых были освобождены в зале суда.

6

Когда человек извлекает информацию из эпизодической памяти, он вспоминает происходившее с ним, заново восстанавливает в памяти информацию, как будто все происходит здесь и теперь. Такое осознание задействует личный опыт человека, события, в которых он участвовал. Воспроизведение эпизодической информации – «Я помню» (это происходило со мной лично), воспроизведение

семантической информации – «Я знаю».

7

Психогенеалогия – психоаналитический метод работы с семейным наследием: исследуя историю своих предков, свои корни, мы можем получить объяснение наших нынешних проблем, заболеваний, неадекватного поведения. Создатель термина – французский психотерапевт Анн Анселин Шутценбергер.

8

Автор имеет в виду теорию трансгенерационной (межпоколенческой) передачи особенностей жизни, неосознанного повторения ситуаций, значимых дат, семейных тайн. По этой теории повторяться могут не только события, но и чувства, их сопровождающие, – интерпретация события с соответствующей эмоциональной реакцией. Это чувства обиды, вины, зависти, ревности.

9

Борис Цирюльник (Boris Cyrulnik, р. 1937) – известный французский нейропсихолог, этолог и психотерапевт.

10

«Фнак» (Fnac) – сеть больших магазинов, торгующих электроникой, книгами, пластинками и т. д. «Пимки» (Pimkie) – модный французский бренд женской одежды, имеющий сеть своих магазинов. «Фланч» (Flunch) – сетевой ресторан

быстрого питания с системой самообслуживания, название происходит от английских слов fast (быстрый) и lunch (ланч).

11

Дебрифинг, психологический дебрифинг – одноразовая слабоструктурированная психологическая беседа с человеком, пережившим экстремальную ситуацию или психологическую травму.

12

Проекционная форма представления изображения, например проецирование карт или программ на большой экран для публичного показа.

13

Google Street View (букв. «Просмотр улиц») – функция Google Maps и Google Earth, позволяющая смотреть панорамные виды улиц многих городов мира с высоты около 2,5 м.

14

Расположенный в центре Довиля ипподром был открыт в 1863 г. и получил название в честь протекающей здесь реки Тук.

15

Букв.: «Театральные подмости», знаменитая набережная в Довиле, покрытая дощатым настилом длиной почти в 2 км.

16

Название области в Нормандии.

17

Город и коммуна на северо-западе Франции, столица региона Нижняя Нормандия и префектура департамента Кальвадос.

18

Популярная серия детских книг американской писательницы Лоры Инглз Уайлдер.

19

Мужская тюрьма Ивелина в Буа-д'Арси, открыта в 1980 г.

20

Омерта – «кодекс чести» у мафії.

Купить: <https://tellnovel.com/mishel-byussi/poka-ty-ne-spish-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)